

У и л л
Э л л и о т

ЩУРК

Семьи Наймо

72

68

65

62

Удостоен пяти
крупнейших
литературных
премий

РОМАН В ФОРМЕ
ЖЕСТОКОЙ,
НО ВЕЧНОЙ ПРИТЧИ,
В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ
КАФКИ И ОРУЭЛЛА.

Amazon.com

сnpol.ru

Уилл Эллиотт
Цирк семьи Пайло

«Центрполиграф»

2006

Эллиотт У.

Цирк семьи Пайло / У. Эллиотт — «Центрполиграф», 2006

ISBN 978-5-227-03462-5

Джейми, трудолюбивый и благонамеренный молодой человек, стал жертвой цирка семьи Пайло. Цирка, жестокого по своей природе, с безумством насилия и опасными номерами. Он оказался под властью самой неистойвой группы циркачей – клоунов. Надетая маска высвободила скрытого монстра. Белила на лице превратили Джейми в Жи-Жи, клоуна-новичка, тупого и хладнокровного. Он не знает границ и несет разрушительную силу. Джейми не может поверить, что этот образ создан по его подобию. Перевоплощение становится катастрофическим. Постоянная борьба двух личностей в одном человеке вот-вот обернется трагедией. И кажется, нет способа сбежать из лишающего рассудка садистского цирка...

ISBN 978-5-227-03462-5

© Эллиотт У., 2006
© Центрполиграф, 2006

Содержание

Вступление от Катрин Дан	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	25
Глава 5	29
Часть вторая	34
Глава 6	34
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Уилл Эллиот

Цирк семьи Пайло

Моим родителям

Вступление от Катрин Дан

Я пришел к выводу, что фильм ужасов – подвид комедии. Оба жанра адресуют читателя к абсурдной жизни. Оба жанра ставят главных героев в сложные и опасные ситуации. Оба подмешивают что-то от себя по вкусу.

Д. К. Хольм

Австралийский писатель Уилл Эллиот прекрасно представляет себе то, о чем говорит американский кинокритик Хольм. Эта роковая смесь жанров является коньком Эллиота. Он умело пользуется ею, преодолевая затруднения морального плана и хорошо владея разговорным языком. Если бы Сэм Спейд или Филип Марлоу исчезли на улице и воскресли в рассказе Франца Кафки, то вы обнаружили бы что-то похожее на искаженную версию жестокого романа Уилла Эллиота «Цирк семьи Пайло».

Эллиот изображает общественное зло посредством черной комедии. Насилие выступает у него в виде фарса и исследуется с бесстрастной позиции. Герои-марионетки анатомируются изнутри. И для мрачного замысла Эллиота цирк – превосходная сцена. Мы все увлекались цирком, но Уилл Эллиот считает, что цирк интересуется нами.

Это не равнозначно вызову зрителя из аудитории для помощи фокуснику. Воображаемое похищение у Эллиота столь же грубо и опасно, сколь захват силой или изъятие из нормальной жизни и помещение в тюрьму. Отказ, как бывает в таких случаях, чреват мучениями и, возможно, фатальным исходом. Цирк семьи Пайло вовсе не развлекательное шоу. Эллиота не интересует традиция циркового искусства с его мастерством и грацией, оригинальностью и отвагой. Его занимает необычный цирк нашего воображения.

В настоящее время реальный цирк как экзотика, как приводящее в восторг изменчивое зрелище, ушел из нашей жизни. Он стал больше концепцией, чем действительностью, более метафорой, чем реальностью. И такая концепция мутировала и распространялась, проникнув за пределы шапито, арен и грез, чтобы подцветить или – в зависимости от точки зрения – окрасить любой аспект жизни: от торговых центров и кинотеатров до телеэкранов и видеоигр, одежды, клозетов, кухонных шкафчиков и врачебных кабинетов. Не уберется даже гараж. Цирк – мощная рекламная кампания. Для благородного ума «цирк» стал эпитетом для вызывающей коррупции в спорте, индустрии развлечений, в религиозной жизни, а также организации семейных ритуалов – от свадеб до похорон.

Цирк как оскорбительный ярлык является, видимо, болезненной реакцией на наше извращенное стремление к цирку порока. Этот цирк, в нашем представлении или воображении, отражает все дурное во многих интерпретациях. Это неоновый кристалл, светящийся всем, что противоречит пуританизму и общественной морали. Цирк – это осыпанная блестящими, выдающая желаемое за действительное, бессмысленная опасность, бросающая вызов степенности, извращающая правду, переворачивающая вверх дном природу. Цирк поздно засыпает, выставляет плоть напоказ, не обращает внимания на социальный статус. Цирк полон шума и бесстыдства, самонадеянности и озорства. Цирк не вознаграждает за трюки и прыжки, даже когда они фатальны. Цирк – всегда неприбранный дом, без фундамента и скреп. Он про-

сто разбивает брезентовый шатер и исчезает в ночи, оставляя на траве большое пожелтевшее пятно. Он неотразим. И этим цирком Уилл Эллиот заставляет увлечься самый здоровый ум.

Существо, поддавшееся соблазну цирка, – точный эквивалент унылой или даже мрачной тупой обыденности. Жертва Эллиота – герой романа Джейми. Это благонамеренный, работающий неполный день, не теряющий присутствия духа молодой обитатель сырой коммуналки на задворках Брисбена. Джейми трудолюбив, озабочен тем, чтобы не поступать дурно. Это естественная жертва злонамеренной воли цирка семьи Пайло. На него запала самая неистовая группа цирка – клоуны.

Страх перед клоуном – это боязнь неизвестности под маской. Каждый трюкач Хеллоуина знает, что надетая маска высвобождает скрытого монстра. Эллиот прибавляет к этому штрихи колдовства. Белила на лице превращают Джейми в Жи-Жи, клоуна-новичка. Жи-Жи совсем иное существо. Приятель Джейми клоун Уинстон замечает: «Чем лучше человек, тем подлее клоун», как будто подчеркнутая любезность всегда прикрывает избыточное зло. С этого начинается перевоплощение Джекила в Хайда¹. Оно становится катастрофичным, когда Жи-Жи решает убить Джейми.

Цирк семьи Пайло представляет собой спорное владение соперничающих братьев, великана Курта и карлика Джорджа. Курт прилежный исследователь христианской морали. Он изучает многочисленные переводы Библии и навязывает циркачам свои язвительные проповеди. Его особенно восхищает роль Дьявола как «Божьего полицейского», который мучает только тех, кто этого заслуживает. Курт-Мефистофель, видимо, убежден, что этого заслуживает каждый. Его цирк примыкает к цирку брата, и все его артисты и зрители похищаются – одни на время, другие навсегда.

Постоянные обитатели на время цепенеют и навечно лишают высших демонов воли. Предсказательница будущего в цирке, Шелис, говорит: «Когда возраст и смерть больше не тревожат людей, у них нет необходимости умирать. Они не боятся играть с огнем». И цирковая труппа Эллиота такая же мстительная, безрассудная и эгоистичная, как мифические божества Олимпа или Вагаллы. Это важно, потому что цирк является источником и причиной любого катастрофического злодеяния, совершаемого ради и против жизни на земле.

Уилл Эллиот плывет в потоке тематики, которая восходит к ранним литературным произведениям. Одиссей Гомера пережил оккультные эпизоды плена, ужасные и чарующие. Гулливер Джонатана Свифта обнаружил, что в венцах творения порядочность и доброта весьма редкие вещи. «Скотный двор» Джорджа Оруэлла эксплуатировал внутренние источники коррупции и жестокости. «Степной волк» Германа Гессе поглощен спиритическим цирком, Стивен Кинг внушил страх перед клоунами целым поколениям. Мир Эллиота качается у порога ада, он чудовищно конкретен, глубоко тревожен и ужасно смешон.

Это языческий сюжет о рептильном разуме человечества, но интригой он возвышается над произведениями, содержащими примитивное морализаторство. Волшебство обильно, могущественно и основательно. Главный конфликт заключается в древней, бесконечной зороастрийской дихотомии тьмы и света, добра и зла с побеждающим всякий раз добром. Злоба, жадность, высокомерие, трусость, месть и явный садистский восторг правят миром. Это зловещая картина в черно-белом цвете.

Невозмутимая ясность прозы Эллиота заземляет фантастический сюжет. Интрига ускользает, по мере того как мультипликационные персонажи обнажают множество аспектов необычности, и нас гипнотизирует непрерывный крутящийся момент действия.

Классическое определение фарса выражено в словах: «Смешон тот, кто постоянно бьется головой о кирпичную стену». Логика Эллиота неотвратима. Когда мы обвиняем стену, это выглядит ужасно.

---

¹ Герои повести английского писателя Льюиса Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».

Катрин Дан

*Карнавал для людей,
Сахарная вата, счастливые лица,
Дитя, болтающее с полным ртом,
У подружки чучело животного.
Повсюду праздник.
Мы попали в другой мир.*

Карусель

Часть первая

Рейд клоунов

Среди них не было никого, кто не бросил взгляд назад в надежде, что на карнавале вернется свой собственный вид.

Ник Кейв. Карнавал

Глава 1

Бархатный кисет

Машина Джейми остановилась, взвизгнув шинами. Первой его мыслью было: «Я чуть не задавил это» вместо: «Я чуть не задавил его». В свете фар стояло привидение в свободной рубашке с ярким цветистым узором. У привидения были на ногах красные туфли немыслимого размера, полосатые брюки и набеленное лицо.

Джейми сразу насторожил взгляд клоуна, недоумевающий взгляд, говоривший о том, что клоун впервые явился миру, что он впервые видит автомобиль. Привидение выглядело так, словно только что вылупилось из огромного яйца и вышло прямо на дорогу, чтобы застыть неподвижно, как манекен в витрине универмага. Его цветастая рубашка, заправленная в брюки, едва удерживала обвисший живот, пальцы буквально повисли вдоль тела, руки были затянuty в белые перчатки. Под мышками виднелись выцветшие от пота пятна. Привидение пугливо взглянуло на Джейми сквозь переднее стекло, затем потеряло к нему интерес и отвернулось от машины, которая чуть не лишила его жизни.

Часы на приборной панели отсчитали десять секунд с того момента, как машина остановилась. Джейми чувствовал запах горелой резины. За то время, что он водил машину, мир потерял двух кошек, фазана, и вот теперь к нему под колеса чуть не попал дурень в клоунском обличье. В голове Джейми молнией пронеслось все, что могло бы случиться, если бы его нога вовремя не нажала на тормоз: судебные иски, обвинения, бессонные ночи и чувство вины на всю оставшуюся жизнь. Тотчас его охватил сильный гнев. Он опустил стекло и заорал:

– Эй, ты! Убирайся к черту с дороги!

Клоун остался на месте – только его рот дважды открылся и закрылся, хотя он не произнес ни слова. Ярость Джейми возросла до грани срыва. Неужели этот тип полагает, что способен *рассместить*? Он сжал зубы и вдавил до отказа сигнальную кнопку. Сигнал небольшого подержанного «ниссана» прозвучал в два часа ночи пронзительным воем.

Этот звук, кажется, произвел впечатление на клоуна. Его рот раскрылся и снова закрылся. Повернувшись к Джейми, он прижал к ушам руки в белых перчатках. От его взгляда повеяло холодом, заставившим Джейми съежиться. «Не сигнал больше, парень, – говорил ужасный взгляд клоуна. – У такого человека, как я, должны быть проблемы, не так ли? Разве тебе не хочется, чтобы эти проблемы остались при мне?»

Ладонь Джейми в нерешительности застыла над сигнальной кнопкой.

Клоун повернулся к тропинке и, как пьяный, сделал несколько неверных шагов, перед тем как остановиться еще раз. Если машина помчалась на скорости другим путем, то она подчинилась произвольному импульсу Джейми. Да, мать-природа понимала больше, чем человек, – это был просто естественный ход безмозглого гена, не позволившего совершить непоправимое. Джейми мчался, мотая головой и нервно посмеиваясь. «Что это за чертовщина?» – шептал он своему отражению в зеркале заднего вида.

Он узнает об этом очень скоро – фактически следующей ночью.

«Где мой чертов зонтик?»

Джейми тяжело вздохнул про себя. Ему задавали этот вопрос в четвертый раз, с нарастающей с каждым словом силой голоса. Перед ним стоял не кто иной, как Ричард Петерсон, журналист одной из национальных газет «Голос налогоплательщика». Он в возбуждении ворвался в двери клуба «Джентльмены Вентворса», сверкая начищенными туфлями от Армани. Джейми, работая консьержем, обычно получал восемнадцать долларов за то, что в течение часа вежливо выслушивал его тирады.

Между ними повисла пауза. Затем Петерсон уставился на Джейми в зловещем молчании. Его усы подергивались.

– К сожалению, сэр, я его не видел. Позвольте предложить вам другой...

– Этот зонтик достался мне в гребаное наследство!

– Понимаю, сэр. Но может...

– Где мой зонтик?

Джейми состроил приветливую гримасу, когда мимо них прошли две привлекательные женщины, отреагировавшие на происходящее улыбками. В течение следующих двух минут он повторял: «Понимаю, сэр, но может...» – в то время как Петерсон угрожал выйти из клуба, подать иск и добиться увольнения Джейми... Наконец один из приятелей Петерсона пересек вестибюль и увлек его в бар. Он уговаривал его так, как будто соблазнял кровавым бифштексом доberman. Петерсон с ворчаньем удалился. Джейми вздохнул, не в первый раз чувствуя себя заезжей звездой в каком-нибудь британском комедийном шоу.

В шесть вечера начался наплыв посетителей. Через двери проходили группы жаждущих пива важных персон Брисбена: владельцы юридических фирм, дикторы телевизионных новостей, представители Австралийской футбольной лиги, боссы, бывшие звезды крикета, парламентарии, другие посетители всех мастей. Затем вестибюль затих, сквозь гранитные стены проникал снаружи лишь приглушенный шум дорожного движения, стихала суэта рабочего дня и пробуждалась ночная жизнь. В вестибюле наступила тишина, которую периодически нарушали члены клуба, покидавшие его более пьяными и счастливыми, чем пришли. Когда ушел, пошатываясь, последний из них, Джейми погрузился в научно-фантастический роман, бросая украдкой через плечо взгляды на случай, если его вдруг застанет за чтением босс или случайная персона Брисбена. В таком случае ему не подфартило бы заработать восемнадцать долларов за час.

Часы пробили два раза. Джейми вздрогнул и удивился тому, что прошло уже шесть часов. В клубе царила тишина. Остальной обслуживающий персонал разошелся. Члены клуба, власть напившись пива, улеглись дома в постели, рядом спали их телохранители.

Джейми отправился через весь город к «Майер-центру». Со стороны он выглядел высоким рыжеволосым молодым человеком, широко шагавшим пружинистой походкой. Его подошвы твердо ступали по мостовой. Руки он держал в карманах широких брюк, в одном из которых его пальцы играли долларовой монетой. Один нищий изучил график дежурств Джейми и взял за привычку перехватывать его на пути к автомобильной парковке. Как по заказу, старик встречал его у «Майер-центра». От него разлило бочковым вином. Нищий проворчал что-то о погоде, затем выразил удивление и восторг, когда Джейми сунул ему доллар, словно никак не ожидал этого. Таким образом, смена Джейми заканчивалась тем, что перед ним рассыпались в благодарности, что доставляло ему удовлетворение.

Подивившись не в первый раз тому, для чего он получил это чертово гуманитарное образование, Джейми завел свой маленький «ниссан». Двигатель захрипел, как больное легкое. По пути домой он увидел еще одного клоуна.

Передние фары высветили закрытые магазины в Новой ферме и самого клоуна. Он стоял перед продуктовым магазином. Это был не тот клоун, которого Джейми видел прошлой ночью. Пучки волос торчали щетиной на его голове, круглой, как баскетбольный мяч. Одет он был тоже по-другому – гладкая красная рубашка, выглядевшая старомодным нижним бельем, обтягивала его грудь и живот, брюки того же фасона, что и у первого клоуна, застегивались сзади. Краска на лице, пластмассовый нос, большие туфли красного цвета были его единственными «клоунскими» признаками. В остальном он мог показаться алкоголиком, лет пятидесяти с гаком, заблудившимся на пути домой или в поисках сомнительных приключений.

Когда Джейми проезжал мимо, клоун, казалось, был в отчаянии, воздевая в тоске руки и жалуясь на что-то Небесам. В зеркале заднего вида он видел, как клоун мечется между продуктовым и цветочным магазинами, исчезая из поля зрения.

Джейми был бы рад оставить его в таком состоянии – по соседству водились психи, неудивительно, что они забрели в Новую ферму. Он поехал бы домой, пробрался по ступенькам в душевую, вынес бы корм для массы прилудных кошек, снова вернулся бы в комнату, просмотрел в Интернете несколько порносайтов, затем улегся бы в кровать, настроенный завтра повторить все снова. Но его машина была настроена иначе. В большом металлическом чреве заскрежетало от несварения, затем разнесся запах горелого масла и дыма. Его маленький «ниссан» застрял посреди улицы.

Джейми ударил рукой по пассажирскому сиденью, заставив кассеты разбежаться по сторонам, подобно пластиковым тараканам. До его дома надо было проехать четыре улицы, и дорога шла в гору. Он уже напряг икроножные мышцы, чтобы побудить мятежную развалину двигаться домой, когда услышал странный возглас:

– Гоши!

Сердце Джейми забило сильнее. Позади снова послышался голос:

– Гоши?

Он забыл о клоуне. А это был голос клоуна, бесхитростный голос с нотками беспокойности и детской плаксивости, исходивший от мужчины средних лет. Его тон вызвал в воображении Джейми образ деревенского дурачка, который колотит по своей ступне молотком и спрашивает, почему ему больно. Клоун крикнул громче:

– Гоши-и-и-и?!

Гоши? Не было ли это слово ругательством? Джейми развернулся и направился к парковке у продуктового магазина. На пустынной улице его шаги отдавались гулким эхом. Подчиняясь инстинкту, который рекомендовал ему держаться скрытно, он прокрался позади забора, расположенного рядом с парковкой, и сквозь листья заметил, что клоун стоит у цветочного магазина, глядя на крышу и переживая чувства огорченного родителя. Он то проводил рукой по голове, воздевал руки к небу, то совершал экстравагантные движения, как актриса на сцене: подносил руку ко лбу, отступал назад, стонал. Джейми подождал, пока клоун повернется к нему спиной, прежде чем метнуться от забора и прокрасться под защиту мусорного контейнера, чтобы лучше видеть. Клоун снова выкрикнул:

– Гоши-и-и-и!

Мелькнула мысль: «Гоши – имя. Может быть, имя клоуна, которого я едва не задавил. Может, этот тип ищет того, кто потерялся». Кажется, так и есть. И, судя по тому, что Джейми увидел, он нашел своего приятеля. Клоун, встреченный им прошлой ночью, стоял на крыше заводского цеха, прямой, как труба. Внезапность, с которой тот попал в поле зрения Джейми, чуть не заставила его предостеречь клоуна криком. Лицо циркача по-прежнему выражало явное недоумение.

– Гоши, это не смешно! – крикнул клоун, стоящий на парковке. – Спускайся вниз. Ну же, Гоши, спускайся, так нужно! Это не смешно, Гоши!

Гоши продолжал неподвижно стоять на крыше. Он прижимал к бокам сжатые кулаки, как капризный ребенок, широко раскрыв глаза, плотно сжав губы. Под его рубашкой, как мешок с влажным цементом, свисал живот. Гоши глядел немигающим взглядом на другого клоуна и не собирался спускаться. Это ясно. Казалось, он испытывал некоторое раздражение. Неопределенно чмокнул губами и отвернулся.

– Гоши, спускайся, пожалуйста-а-а! Придет Гонко, он будет очень сердиться...

Никакой реакции с крыши.

– Пойдем, Гоши...

Гоши вновь повернулся к клоуну, снова чмокнул губами и без предупреждения сделал три шага к краю крыши, затем перешагнул его. Высота составляла метра четыре. Он бросился головой вниз, демонстрируя грацию мешка с дохлыми котятками. Когда клоун долетел до земли, раздался громкий, неприятный звук.

Джейми сделал резкий вдох.

– Гоши! – бросился к нему второй клоун.

Гоши лежал лицом вниз, руки его были прижаты к бокам. Клоун похлопал Гоши по спине, словно у того только что был приступ кашля. Никакого результата. Вероятно, Гоши нуждался в помощи врача. Джейми беспокойно взглянул на платный телефон на другой стороне улицы.

Клоун похлопал Гоши по спине чуть сильнее. Все еще лежа ничком, Гоши раскачивался из стороны в сторону, как упавшая кегля в боулинге. Он выглядел как припадочный. Другой клоун схватил его за плечи. Гоши издавал пронзительные звуки, словно кипящий металлический чайник.

Другой клоун стал поднимать Гоши. Став на ноги, издавая все тот же ужасный звук, Гоши смотрел на напарника широко раскрытыми, испуганными глазами. Другой клоун взял его за плечи и, прошептав: «Гоши!», заключил приятеля в объятия. Чайник продолжал свистеть, но с каждым выходом пара сила свиста ослабевала, пока он не прекратился совсем. Когда другой клоун отпустил его, Гоши повернулся к зданию заводского цеха, указал на него рукой и беззвучно пошевелил губами. Другой клоун сказал:

– Знаю, но нам нужно идти. Придет Гонко и... – Клоун подтянул штаны Гоши, затем порылся в его карманах и что-то вытащил.

Джейми не заметил, что это, но было ясно, что при виде этой вещи второй клоун снова испытал чувство тревоги.

– Ой-ой-ой, Гоши, о чем ты думаешь? Ты ведь не собираешься... не думаешь заняться этим здесь? Ой-ой-ой, идет Гонко... Босс скоро будет... – Он сделал паузу и окинул взглядом пустынную парковку, прежде чем швырнуть небольшой сверток, который упал на асфальт и скользнул у тропы, прежде чем Джейми смог разглядеть его как следует. – Теперь пойдем, Гоши, – сказал клоун. – Нам нужно идти.

Он схватил Гоши за воротник и потащил его прочь. Джейми выпрямился, не зная, следует ли ему идти за этой парой или бежать к платному телефону, – один из этих кретинов мог бы убить себя, если их предоставить самим себе. Затем его внимание привлекло кое-что еще: это был *третий* клоун. Он стоял у двери копировального центра, сложив руки на груди. Джейми покачал головой в изумлении и снова присел, чтобы скрыться из вида. Он сразу понял, что неприятности, которые угнетали двух первых клоунов, на этого не произвели никакого впечатления. Строгим взглядом суженных глаз он следил, как два других клоуна тащились через парковку. Вдруг Гоши с компаньоном остановились. Лицо Гоши оставалось неизменным, но на лице его напарника был написан ужас. Он пробормотал:

– Вот... Гонко.

Новый клоун не пошевелился и никак не отреагировал на эти слова. Он был худощав, одет по форме – носил полосатые штаны необычного размера на подтяжках, галстук-бабочку,

рубашку с изображениями котят и огромную дутую шляпу. На лицо были нанесены белила. Он смотрел на других клоунов, как гангстер из фильма о мафии. Если бы ему захотелось заставить людей смеяться, они сделали бы это даже под дулом пистолета. Он окинул взглядом парковку, словно в поисках свидетелей, и Джейми почувствовал, что невольно опускается на корточки, стремясь спрятаться за мусорным контейнером, чтобы не попасться на глаза клоунам. В его ушах отдавались эхом шаги Гоши, шлепавшего по бетону. Он вздрагивал от каждого его шага.

Новый клоун поманил двух других пальцем. Те подошли, спотыкаясь.

– Мне пришлось искать его, – сказал напарник Гоши. – Пришлось. Он не может себя контролировать, не может...

– Закрой пасть, – грубо оборвал новый клоун. – Идемте. – Его взгляд вновь обшарил парковку, переместился вправо от тропы к контейнеру.

Джейми опустился ниже, опасаясь быть замеченным, и задержал дыхание. Минуту оставался на месте, опасаясь, что слишком громкое биение его сердца услышат клоуны, хотя не мог осознать, чего именно он боится. Наконец он решился выглянуть из-за контейнера. Клоуны ушли. Он выбрался из своего убежища. У цветочного магазина сохранялось маленькое белое пятнышко от белил в том месте, куда упал Гоши. Джейми потрогал пятно, потер краску между пальцами, чтобы убедиться, что в последние десять минут здесь действительно что-то происходило.

Поблизости зазвучали ночные шумы, словно включились снова после короткого перерыва. Залаяла собака, где-то просигналил автомобиль. Джейми задрожал от внезапного холода и взглянул на часы. 2:59 ночи. До дому неблизкий путь.

Когда он пошел по тропке, на глаза ему попала какая-то вещь. Джейми вспомнил, как клоун залез в карман напарника, что-то вытащил оттуда и швырнул на асфальт. Он подобрал маленький бархатный кисет размером в половину своего кулака. Сверху он был перевязан белой тесемкой, а на ощупь казалось, наполнен песком. Или, может, другой рассыпчатой смесью. Судя по поведению клоунов, там был какой-то порошок. Любопытно, подумал Джейми, сунув бархатный мешочек в карман.

Теперь предстояло самое смешное. Он поставил «ниссан» на нейтралку и стал толкать его в сторону станции автосервиса, расположенной через две улицы. Проезжавший автомобилист крикнул ему:

– Вот что получается, приятель, когда водишь японское дерьмо!

– Аригато годзаймасу², – буркнул Джейми.

Позднее, оглядываясь на эту ночь, Джейми поражался тому, что считал своей главной бедой неисправную машину и боль в спине оттого, что толкал ее, и ни на мгновение не почувствовал тревогу в связи с бархатным мешочком в кармане, наполненным песком.

---

² Большое спасибо (яп.).

Глава 2

Навязчивый сон

Большой старый дом в Квинсленде на вершине холма упорно не желал разрушаться, несмотря на небрежение его жителей. Краска на нем облупилась, лестница опасно шаталась, крысы размером с опоссумов обитали в пространстве между потолком нижнего и полом верхнего этажа. Возможно, арендатор забыл о существовании дома, ибо жилищная инспекция обрела бы его за содержание дома в таком неподобающем состоянии на казнь через повешение. Комната Джейми, единственная спальня на нижнем этаже, была самым чистым помещением этой холостяцкой обители. Входя в нее, он вздыхал с облегчением, как человек, укрывшийся в своем личном бомбоубежище.

В отличие от холостяцких настроений квартирантов, которых такие вещи, кажется, не интересовали вовсе, Джейми украсил комнату с одной целью: поразить воображение Светланы, русской девушки, подававшей в Вентворском клубе напитки, если бы она когда-нибудь вошла сюда, после того как Джейми набрался бы смелости ее пригласить. Афиши Дэвида Боуи и Трента Резнора говорили о его непредубежденности. Полка, набитая сотнями компакт-дисков, картонная коробка, наполненная до краев старыми виниловыми пластинками, говорили о широких вкусах и высокой культуре. Цветы в горшках свидетельствовали о единстве с природой. Горный велосипед в углу – о его спортивной удали. Искусственный персидский ковер – о его светскости. Аквариум – о его способности спокойно размышлять, а также о любви к животным. Ловец снов, свисающий с потолка, – о духовной природе. Мини-клавиатура предполагала его креативность. Таким образом, каждый предмет являлся как бы пером в павлиньем хвосте, завлекающим и блистающим.

Вернувшись той ночью домой, он, как в любую другую ночь, внимательно проверил, все ли в порядке, убедился, что ни один квартирант или бродячий наркоман не похитил какую-нибудь вещь. Джейми с тревогой всматривался в клавиатуру, прикидывая, стоит ли поместить ее на более видное место, и в сотый раз решал оставить ее на прежнем месте. Поправив ковер так, чтобы он лежал параллельно доскам пола, он медленно повернулся, обведя критическим взглядом свое гнездо. Затем удовлетворенно вздохнул, довольный тем, что все в порядке.

Стягивая брюки с бархатным мешочком в кармане, Джейми думал, за сколько он мог бы продать его, если бы в нем действительно содержался кокаин. Недостатка в покупателях, слонявшихся вокруг дома, не было. Он оставил мешочек там, где он лежал, и пошел вверх по лестнице в душевую. Дом находился в скверном состоянии – ванная выглядела так, словно в нее бросили гранату. После ванной Джейми зашел на кухню, где выяснилось, что кто-то сожрал на двадцать долларов продуктов, пока он был на работе, и не позаботился даже выбросить обертки. В гостиной на диване развалился бледный наркоман в коматозном состоянии. Видимо, это был приятель одного из квартирантов дома – кажется, Маршалл. Джейми спустился обратно по лестнице, чувствуя себя весьма удрученным. Это была не та жизнь, которую показывало ему американское телевидение. Не было ни романтических свадебных комедий, ни университетских женских клубов с приколами и девочками во влажных теннисках. Были просто счета для оплаты и грязная посуда в мойке.

Вернувшись в свою комнату, Джейми сразу бросился на кровать, поставил на нужное время будильник и задумался. Сначала ему следовало проверить содержимое мешочка, не так ли? Он вытащил его из кармана брюк. Мешочек казался довольно тяжелым для своего размера. Джейми перебросил его с руки на руку и услышал слабый звон, словно бились друг о друга стеклянные шарики. Он развязал белый шнурок и поднес мешочек к лампе. Внутри мешочка было много маленьких кристалликов, блестящих при свете лампы, как измельченное стекло. Юноша надавил на мешочек. Теперь, когда он был раскрыт, звон стал громче, как будто звенел

маленький китайский колокольчик. Джейми осторожно тронул порошок пальцем. Возникло ощущение прикосновения к золе.

Джейми положил мешочек на столик у постели, погасил лампу и лег. Над ним скрипели доски пола, по мере того как кто-то на верхнем этаже шел на кухню, чтобы съесть оставшиеся продукты Джейми. Молодой человек лениво размышлял о том, что случится в день, когда его здесь не будет, и на этой привычной мысли заснул.

Сновидения мелькают с такой ясностью, что Джейми чувствует как будто все это происходит наяву, как будто он все еще притаился за вонючим мусорным контейнером. Ему кажется, что он толкал свою машину на станцию сервиса во сне, от которого только что освободился.

Чей-то голос вопил:

– Куда ты делся, ублюдок? Этот навязчивый сон, черт возьми, жутьничество. Сколько мешочков возьмет с нас дурень за это? Дупи! Иди живей, мразь. Мы не на прогулке.

– Прости, Гонко, я только, я... – отвечает знакомый Джейми жалобный голос.

Первый голос принадлежит Гонко, худощавому клоуну, и Джейми замечает его, когда голова клоуна появляется поверх контейнера. Гонко рыщет по парковке, умудряясь каким-то образом идти бесшумно, как убийца, несмотря на свои комичные большие красные туфли. Его лицо кажется злым и неподвижным, как камень. Кажется, что оно использовалось как наждачная бумага и пропиталось виски. Его глаза притаились в узеньких щелках, излучая холодный блеск, их взгляд касался всего, как кончик ледяной сосульки.

Сидя за контейнером, Джейми соображает, что Гонко ищет две вещи: маленький бархатный мешочек с порошком и того, кто его похитил. У него все внутри сжимается, потому что мешочек лежит не в доме, а здесь, в его кармане. Он хочет выбросить его на парковку и бежать, но один взгляд на Гонко заставляет его отказаться от этой мысли. Двигаясь как ярко обряженное чучело, этот клоун, кажется, бормочет себе под нос:

– Сиди, прячься, братец. Я все равно тебя поймаю.

Гонко обязательно убьет его, если найдет.

Ползая на четвереньках по другую сторону контейнера, Джейми замечает двух других клоунов. Он знает их имена. Первый – конечно, Гоши, а тот, что с черной щетиной на голове, – Дупи. Джейми каким-то образом понимает, что они братья. Гонко прерывает блуждание, поворачивается к ним и говорит:

– Не стойте там, вы, пара телков. Ищите его. Он здесь!

Приподнявшись над краем контейнера, Джейми видит, что Гоши оборачивается и смотрит прямо на него. Он встречается взглядом с чужаком и стоит, загнипнотизированный этим взглядом. Губы Гоши беззвучно чмокают. Другие клоуны в это время смотрят не на Гоши, и слава богу, потому что Гоши поднимает одеревеневшую руку и указывает прямо на контейнер, за которым прячется Джейми. Немой рот Гоши чмокает снова, по спине Джейми пробегают холодок ужаса.

– Выходи, выходи, где ты есть! – кричит Гонко звенящим голосом. – Теперь твоя очередь. Любитель играть в пятнашки. Вызываю тебя...

В раздражении Гонко бьет ногой припаркованный БМВ так сильно, что дверца со стороны водителя открывается с металлическим скрежетом. Гоши все еще смотрит на Джейми, в одном глазу у которого беспощадность хищника, в другом – недоумение. Совмещение двух этих взглядов придает его лицу непристойное выражение; казалось, разум клоуна разделен поровну на глупость и подлость. Гоши делает несколько шагов в направлении контейнера, и Джейми скрывается за ним. Прямо над юношей светятся глаза Гоши, его рука тянется к контейнеру, и Джейми готов закричать... Но Гоши ограничивается тем, что вытаскивает пустую банку из-под пива и разглядывает ее, как будто в ней заключается

загадка, которую он собирается разгадать. Он снова чмокает губами и привлекает внимание Дуни.

– Гоши, брось это. Брось, Гоши, это не смешно!

Гоши продолжает рассматривать банку еще мгновение, затем бросает ее на землю почти у ног Джейми и бредет к двум другим клоунам. Но спотыкается обо что-то и тяжело падает на бетон.

– Гоши! – кричит Дуни, устремляясь к нему.

Гоши катается на бетоне, его выпрямленные руки прижаты к бокам, он издает свистящий звук, закипающий как металлический чайник:

– Фью-у-у! Фью-у-у!

Джейми просыпается как раз тогда, когда закипает чайник на кухне, его свист прошивает доски пола и пробивается к нему.

Проснувшись, Джейми испытал ощущение того, что проспал слишком долго. Будильник подтвердил его опасения: три часа дня. Не тратя времени на обдумывание ночного сна, он мечется по комнате в лихорадочных поисках рабочей одежды, полотенец, носков, бумажника – всего того, что спряталось ночью. Поднявшись наверх, он прошел в заднюю дверь и, обнаружив, что душевая занята, постучал в дверь.

– Отвали! – рявкнули в ответ.

Похоже, в душевой был один из квартирантов, Стив, отчаянный похититель продуктов.

– Кончай, приятель, я опаздываю! – крикнул Джейми, снова ударив в дверь.

Она открылась, освобождая путь клубам пара. Показалось круглое мальчишеское лицо, покрытое потом. На лице было запечатлено задумчивое выражение, одна бровь угрожающе поднялась. Большая мокрая рука протянулась вперед и сильно толкнула Джейми в грудь. Он упал на пол, а дверь не спеша закрылась.

– Это нападение, – произнес Джейми, ни к кому не обращаясь.

Он поднялся с пола и стоял, глядя на дверь душевой открыв рот и покачивая головой. «Ты намерен проглотить это? – протестовала часть его души. – Не дай себя в обиду! Господи, хоть раз в жизни не дай...»

Не сегодня, решил Джейми. Вместо этого он отправился на кухню выпить чашку кофе с бутербродом. Распахнул дверцу холодильника и свистнул сквозь сжатые зубы – его хлеб исчез, так же как и большая часть молока.

– Боже, разве я требую от жизни слишком многого? – прошептал он.

Юноша поискал глазами еду в тщетной попытке обнаружить ее в беспорядке холостяцкой кухни, но увидел только пакеты с лапшой быстрого приготовления, рассыпавшиеся остатки их содержимого на столе, похожие на мороженые личинки.

– Черт! – воскликнул и в раздражении пнул ногой дверцу холодильника, затем сбежал вниз по лестнице за своими туфлями, по пути пытаясь понять, каким образом можно добиться хоть немного уважения к себе со стороны квартирантов дома.

Его взгляд упал на бархатный мешочек на столике у кровати. После секундного колебания он схватил его, вызвав треньканье, как у крохотного колокольчика. Если это был наркотик, то, возможно, сейчас настало время испытать его воздействие, еще лучше – побочный эффект. Вернувшись наверх на кухню, он открыл почти пустую бутылку молока и, перед тем как взболтать ее и поставить в холодильник, осторожно подсыпал в нее щепотку порошка. Если Стив верен себе, то к обеду он будет кейфовать, а может, психовать, подумал Джейми. Он ополоснул водой подмышки над кухонной мойкой, насухо обтерся полотенцем, оделся и отправился на работу.

Его смена прошла без приключений. Он не знал, что это были последние восемь часов спокойной жизни для него.

Глава 3

Навязчивая явь

Выйдя из такси, Джейми почувствовал что-то неладное. Было двадцать минут первого. Улица затихла, и явного свидетельства в поддержку его ощущения не было, но это ощущение не обманывало. *Что-то здесь происходит... Что-то неладное.*

Он заметил, что занавеска в спальне Стива чуть передвинулась, будто кто-то только что вылез из окна. Свет погас.

У двери в собственную спальню Джейми задержался, с тем чтобы нажать пальцем на выключатель, и прислушался. Повсюду вдруг установилась необычная тишина.

Он щелкнул выключателем, сбросил на пол сумку и произвел такой звук, как будто поперхнулся. По комнате словно прошелся циклон. Телевизор был разбит, на экране виднелась выбоина в форме подошвы от ботинка. На экране компьютера, сброшенного на пол и похожего на отрубленную голову, Джейми заметил такие же повреждения. Его клавиатура стоимостью тысяча четыреста долларов была рассыпана на полу мелкими деталями. Окно разбито, и сквозь дырку с зубчатыми краями можно было видеть пару его нижнего белья, висящую на заборе. Его рыбки плавали вверх брюшками, а на стенке аквариума цветным мелком было написано слово «негодяй» и нарисован пенис. На подушке лежала куча человеческого дерьма. Ящик прикроватного столика лежал на полу, его содержимое валялось рядом. Маленького бархатного мешочка нигде не было видно.

Но что все это значило? Кто-то ведь *сделал* это, подумал Джейми. В такой шоковой ситуации разгром казался абсурдом, наиболее рациональным объяснением напрашивалось землетрясение. Боже, *почему?* Кто *сделал* это?

Покидая комнату, он надеялся войти в нее снова, полагая, что сцена погрома исчезнет, как мираж. Опустив плечи и покачивая головой, он поднялся по лестнице на кухню. Включил электрический чайник, затем почувствовал приступ тошноты: бледно-розовая рвота загадила мойку и пол. Она засохла на его туфлях. Джейми глядел на блевотину, испытывая транс, пока не раздался свист закипевшего чайника, выведший его из этого состояния.

Гоши. Мысль о нем мелькнула в голове, как отдаленный шум. В ошеломлении молодой человек насыпал в чашку кофе, налил кипяток, полез в холодильник за молоком и вдруг заметил, что кто-то положил на среднюю полку рядом с упаковкой картофельного салата дохлую крысу. Ее белые клыки были сжаты в злобном оскале. Джейми опустошенно смотрел на нее, потягивая кофе и позволяя дверце захлопнуться самой.

Не допив кофе, он отправился с чашкой в гостиную. Его взгляд замечал все новые следы погрома и наконец остановился на стене, где кто-то написал шоколадным мороженым слова «политические свиньи». Слова показались знакомыми. Джейми вспомнил, что их писали сообщники «семейства Мэнсона» кровью своих жертв после их убийства. С потолочного вентилятора спускалась тоненькая веревка, на которой висел в петле маленький плюшевый мишка. Его бок вспороли и воткнули туда клочок скомканной бумаги. Джейми вытащил его и прочел слова, написанные карандашом: ПРОЩАЙ, ЖЕСТОКИЙ МИР. На полу лежали кусочки пластмассы и обрывки проводов, сложенные в форме букв. Он узнал в них фрагменты разбитого телефона. Буквы составляли фразу: ЕГО НЕТ ДОМА. Джейми несколько отстраненно отметил, что этот след вандализма отличался умеренностью, словно был призван составить контраст беспорядочным проявлениям погрома вокруг. Каждая акция погрома совершалась с особым мастерством.

Он медленно потягивал кофе. Заметив маленький предмет красного цвета рядом с разбитым телевизором, Джейми наклонился, чтобы подобрать его, подумав сначала, что это резино-

вый мячик. К предмету крепился белый шнурок. Это был бутафорский нос. Мгновение молодой человек вертел его на шнурке, затем бросил в кучу мусора.

Примерно в это время он услышал всхлипывание в одной из спален и медленно побрел туда. В коридоре под ногами ломались и трескали осколки разбитых вещей. Джейми прошел мимо двери Маршалла, который дружил с наркоманами. Мимо двери Натаниэля, тратившего чужие деньги. В этих спальнях было тихо. Плач раздавался из спальни Стива. Дверь в нее была открыта, свет выключен. Джейми остановился в дверном проеме, потягивая кофе. Плач прекратился. Он слышал, как Стив прерывисто и шумно дышит. Наконец он прошептал:

– Джейми?

– Стив, что происходит? – спросил Джейми глухим голосом. – Почему этот дом... Почему дом *разгромлен*, Стив?

Где-то снаружи завывала полицейская сирена, затем затихла вдали. Джейми мог видеть неясный силуэт Стива, ворочавшегося в постели.

– Не знаю, – медленно ответил Стив. – Пришли эти парни... Точно не помню... немного этого... Я сделал немного этого, потому что если бы не сделал...

Джейми моргнул:

– Какие-то парни приходили, да, Стив? Ты и сейчас уверен в этом? Какие именно парни?

В глубине души Джейми понимал: дело не в клоунском носе. Это была преднамеренная игра по задуманным правилам: Стив играл в нее.

Стив снова провалился в забытие. Джейми чувствовал некую стремительно растущую для него опасность... Ладно, черт с ними, с этими политическими свиньями, только не следовало писать это мороженым. Джейми шагнул в темную спальню. Стив корчился на матрасе, кровать отчаянно скрипела. Джейми щелкнул выключателем.

– Не надо, – запротестовал Стив.

В комнате зажегся свет. Круглое лицо Стива было измазано жирным слоем краски радужного цвета. Губы при помощи помады красного цвета изображали широкую улыбку. Голову и волосы полностью покрывала краска белого цвета. Сквозь отвратительную маску текли слезы, образуя на щеках борозды. На его шее висел клоунский нос из красного пластика. Парня одели в рубашку с ярким цветочным орнаментом и манжетами в белых оборках. Спальня подверглась такому же разорению, как и весь дом. Гелевого светильника Стива больше не существовало. Стереоманитофон распотрошили. Пол был покрыт метками из черного скотча, похожими на шрамы от хлыста.

Джейми уронил чашку. Она разбилась, и кофе облил его туфли.

– Стив? – прошептал он.

– Те парни... – проговорил Стив между всхлипываниями. – Они вошли и просто... держали меня здесь, измазали меня... этой дрянью. По-моему, это приятели Маршалла, наркоманы. Может, он задолжал им деньги или что-нибудь другое, и они пришли разобраться. Они оделись как... клоуны.

Конечно, это были они. Джейми присел от внезапного приступа головной боли. Затем спросил:

– Сколько их было?

– По-моему, трое. Они начали с первого этажа. Я слышал грохот, звон бьющегося стекла... Подумал, это ты и спустился вниз сказать, чтобы ты заткнулся, понимаешь? Этот тощий схватил меня и... – Стив ладонью обвел свое лицо. – С ним были двое других. Один из них повторял: «Это не смешно, не смешно». Другой то и дело производил какой-то... какой-то странный звук...

– Кипящего чайника, – пробормотал Джейми.

Стив, кажется, не расслышал.

– У тощего был нож. Он сказал, что, если я им не помогу разгромить это место, он изрежет меня на куски. Пришлось помогать.

– Ты помог им, – повторил, словно эхо, Джейми.

Стив бросил на него укоризненный взгляд:

– Что мне было делать? Трое на одного. Парень хотел меня искромсать, ты бы его видел. Он *хотел* это сделать, действительно хотел. Мне пришлось делать все, что они желали. Разбили телевизор...

– Там надпись на стене мороженым. Кто ее сделал?

– Тоший клоун, – ответил Стив. – Не знаю почему. Не знаю даже, что она означает.

– А блевотина на кухне?

– Моя, – прошептал Стив, утирая нос рукавом. – Но меня вырвало до того, как они пришли сюда. Сделал глоток, и сразу началось. Продолжалось весь день.

Глоток. Джейми остановил взгляд на полупустой чашке холодного кофе на столике Стива у кровати. Затем он взглянул на разбитую чашку у своих ног, где расплзалась по полу лужа кофе. В памяти всплыло безобразное видение: он видел, как подсыпает в молоко горстку этого таинственного порошка, чтобы отомстить Стиву за то, что тот занял душ, и за украденную у него еду. Джейми успел лишь невесело улыбнуться, прежде чем у него начался приступ. Он почувствовал острую тошноту, словно его ударили в живот. Рвота подступила к горлу. Он бросился по коридору, круша обломки мусора, и едва успел добежать до раковины, прежде чем его стало выворачивать.

Когда все кончилось, он подставил под кран дрожащие ладони, пытаясь прополоскать рот и избавиться от отвратительного привкуса. Перед глазами плясали маленькие пятнышки света. Он увидел свое отражение в кухонном окне. Подумалось: «Что дальше?»

Дальше придут клоуны. Он не знал зачем, но каким-то образом чувствовал, что они в пути.

Так и получилось в действительности. Они уже были на месте.

* * *

Джейми чистил зубы в ванной, когда услышал слабый шум из спальни внизу. Он остановился и поднял голову, полагая, что это ему показалось. Полминуты сохранялась тишина, затем клоуны проявили себя. Глухие удары, скрип, бормотание, свистящий звук чайника. Трр-ах.

Джейми застонал и выскочил из ванной на кухню, поскользнулся на блевотине и рухнул на пол. Было больно, шум не прекращался. Но вот шум от погрома затих, установилась настороженная тишина, которую прервал глухой выкрик:

– Гонко, это не *смешно!*

За ним последовал треск ломающегося дерева.

Джейми поднялся на ноги и порывлся в ящике кухонного стола в поисках хорошего большого ножа, но самое подходящее, что смог найти, – это скалку. Схватив ее, он толкнул заднюю дверь, чувствуя себя не в своей тарелке. Очевидно, это было не то оружие, которым пользовался Чингисхан. Спустившись по лестнице, он остановился и прислушался.

– Пожалуйста, Гонко! – сказал плаксивый клоун бесстрастным голосом, затем послышалось тихое и зловещее потрескивание, звук чего-то лопающегося в огне.

Джейми испуганно хныкнул, затем побежал в спальню. Спина к нему там стояли три клоуна. Плаксивый клоун с черной щетиной на голове осторожно снимал подушку с кровати Джейми. Казалось, он спасает кучу дерьма от пламени, которое распространялось по одеялу. Он словно держал спящего младенца. Рядом с ним стоял Гоши, который оглянулся, чтобы бросить на Джейми свой характерный взгляд. Этот удивительный взгляд не менялся, он смотрел

на все, будто видел впервые. Клоун повернулся, опознал Джейми, и его взгляд стал каким-то расчетливым. Его губы беззвучно чмокнули.

Худощавый клоун тоже повернулся, глядя искоса на Джейми. На его лице, изборозженном морщинами, отражалась демоническая пляска языков пламени.

– Эге, привет, дружище, – сказал он с деланным дружелюбием. – Мы только что говорили о тебе.

Все трое бросились на Джейми. Гоши распахнул руки, как трехлетний ребенок, бегущий в объятия. Тоший несся, как британский футболист-костолом. Плаксивый бежал, спотыкаясь и падая. За их спинами пламя пожирало постель Джейми. Со стен были сорваны доски и брошены на матрас, чтобы огонь разгорался.

Джейми сделал шаг назад и встал в боевую стойку, но он понимал, что обречен. Он никогда не дрался – ближе всего был к драке, когда обменивался угрозами с водителями в автомобильных пробках. У него подгибались от страха ноги, и он швырнул свою скалку со всей силой в нападающих. Как ни удивительно, бросок попал в цель. Скалка ударила одним концом прямо в Гоши. Она ударила в его обвислый живот и, что еще удивительнее, отскочив от живота, полетела к Джейми. Деревяшка метила ему в глаза. Джейми повернулся, чтобы защитить лицо, и скалка попала ему в голову сбоку. Молодой человек упал на пол и отключился, отдавшись на милость клоунов.

Придя в сознание, Джейми обнаружил, что мир наяву – неприятное место. Ему хотелось вернуться в бессознательное состояние. Оно могло продолжиться минуту или две, но трудно было оставаться в нем дольше, когда кто-то словно вбивал ему в голову колышек для палатки. Он схватился за голову и жалобно застонал, затем почувствовал что-то неладное ниже пояса. Ему что-то вставили в задний проход. Бог знает, что это было. Трясущейся рукой он ощупал свою задницу и обнаружил что-то торчащее из нее. Поташив это, он почувствовал неприятную скребущую боль. Это был кусок свернутой бумаги с запиской.

Бам-бам-бам. Когда он сел, показалось, что колышек вбивают ему в голову быстрее. Другой неприятностью были вонь и запах гнили. Он протер глаза и увидел, что комната изменилась. В деревянной стене зияли дыры. Похоже, что клоуны начали вырезать какой-то узор, – можно было предположить, что это было нечто вроде смайлика, – но, видимо, затея им надоела. Постель превратилась в кучу золы, откуда торчали каркас и несколько пружин. В комнату затащили снаружи мусорную корзину и разбросали по полу ее содержимое месячной давности в виде осколков стекла от разбитых бутылок.

Джейми стоял, раскачиваясь с носков на пятки. Его взгляд остановился на выключателе. Вокруг него вбили гвозди с обратной стороны деревянной стены так, чтобы они впились острием в руку, ищущую выключатель в темноте. Он чуть не восхитился этой выдумкой.

Джейми осмотрелся вокруг. На его столе не было ничего интересного. На нем стояла неповрежденной ваза с маргаритками, красуясь среди погрома. Но в куче золы, которая прежде была его постелью, виднелось нечто, похожее на поздравительную открытку. Он побрел туда под хруст битого стекла и взял ее. Открытка была в форме сердца с надписью «В знак особой любви». На ней был запечатлен женской помадой поцелуй.

Извилины его мозга скрипели и скрежетали, как детали выходящего из строя двигателя. Для чего эти *любезности* среди руин?

Молодой человек взглянул на свой гардероб, теперь пустой. Сверху на нем был аккуратно сложен его рабочий костюм, отглаженный и готовый для дежурства в очередную смену. На задней стенке шкафа был прибит дохлый опоссум.

С потолка ему на голову капала какая-то жидкость. Джейми провел рукой по влажному месту, головная боль билась в унисон с пульсом. На полу, среди битого стекла и мусора, отпечатался контур его тела. Рядом лежал свернутый листок бумаги, который он вытащил из зад-

ницы. Он развернул записку, написанную аккуратным почерком золотыми чернилами, и прочел:

Я забираю скалку с собой. Мы воспользуемся ею. Мы также воспользуемся тобой. У тебя до пробы два дня. Лучше тебе пройти ее, парень. Ты поступаешь в цирк. Разве не приятно для тебя эта новость? Чертовски приятно. Тебе повезло, что новый ученик не отработывает. Я убью этого сукина сына, вот увидишь.

*Гонко от имени Дуни, Гоши, Уинстона и Рафшода
Отдел клоунов, Цирк семьи Пайло*

Р. С. Попробуй укради у меня что-нибудь снова, я оборву тебе яйца.

Джейми смял записку в кулаке и бросил на пол, недоумевая, какой она может иметь смысл.

Судя по часам, которые каким-то образом продолжали работать, остался час до его смены. Проходя мимо туалета вниз, он заметил, что его остальную одежду засунули в унитаз. Еще одна капля неизвестной жидкости проникла сквозь доски на потолке и упала ему на голову. И снова он непроизвольно стер ее, однако почувствовал запах, привлечший его внимание. На тыльной стороне руки образовались бурые полосы на суставах пальцев. Сбитый с толку, он глянул на потолок. Сверху, в щелях между досками, капало из канализационной трубы.

Джейми умудрился спокойно выйти наружу и вымыть голову в ванне, перед тем как упасть и скверно почувствовать себя.

* * *

На втором этаже дома царил кошмар. Казалось, клоуны переделали канализацию таким образом, что она испортила все, что в ней было заключено в последнее время. Вонючее месиво растеклось по полу в кухне, ванной, коридоре и постепенно просочилось в спальню.

Джейми поспешил, чтобы успеть на работу. Когда он пришел в клуб, сотрудники и несколько членов клуба спросили, что с ним случилось. Глядя в пространство отсутствующим взглядом, сказал, что с ним все в порядке. После наплыва посетителей в шесть вечера он принял два телефонных звонка. Первый звонок исходил от Маршалла с уличного телефона. Он требовал объяснений. Джейми повесил трубку. Второй звонок тоже исходил от Маршалла, тон голоса которого стал истеричным. Он умолял объяснить ситуацию. Джейми снова повесил трубку и отключил телефон.

Он с трудом отвечал на вопросы. Постепенно головная боль стала утихать. Когда часы пробили два ночи, обозначив конец смены, Джейми взял универсальный ключ, отправился в один из свободных кабинетов и, повесив на двери табличку: «Не беспокоить», бросился на кровать.

Сквозь окно лился лунный свет. Джейми наслаждался тишиной, ибо толстые гранитные стены не пропускали городские звуки. Буквально в нескольких метрах от клуба улицы кишели приподнявшимися гуляками, ищущими вина и женщин, как обычно бывает в субботний летний вечер в Брисбене. Женщины, разодетые и блестящие от жары, старались показать, что они принадлежали к кругу героинь сериала «Секс в большом городе». Вглядитесь в них внимательно, и вы увидите манеры американских звездочек, которых они обожают. Эти женщины заимствуют у них жесты и особенности речи, стараясь показать, как они *сексуальны*. Между тем мужчины, в тесно облегающих джинсовых, пропитанных потом рубашках с воротниками, равнодушные ко всему этому и увлеченные родео, слонялись вокруг возбужденными толпами.

Лежа в кровати, Джейми было приятно сознавать, что все идет своим чередом. Бывают времена, когда даже самая скучная обстановка кажется комфортной, – ведь то, что она не изменится, означает, по крайней мере, что есть кое-что в мире, на что можно положиться.

Он не собирался спать сегодня ночью, но оказалось, что его клонит ко сну. Джейми с удовольствием закрыл глаза, чтобы отдохнуть пару часов.

Что-то кольнуло его в затылок. В комнате было еще темно. Джейми проснулся как человек, только что вынырнувший из-под воды на поверхность и глотнувший воздуха. Он стиснул в руках одеяло. Сон снова оказался невеселым – опять клоуны, которые в этот раз учинили ему допрос, выясняя его местопребывание.

– Скоро увидимся, – пообещал худощавый клоун.

Часы показывали полпятого. Джейми дотронулся до затылка и наткнулся на нечто, ощущавшееся как пластик. Он поискал на ощупь выключатель бокового светильника. Как он и предполагал, в руке оказался красный клоунский нос. Ему пришлось подавить невольное желание расплакаться, потому что это переполнило чашу его терпения. Он знал, однако, что это не последняя капля. Они не все сделали. «Знай, что клоуны еще придут к тебе», – подумал он.

Джейми вскочил, внезапно осознав, что клоунский нос не был обыкновенным продолжением ночного кошмара. *Они были здесь.* Почти наверняка они еще находятся в здании. Может, даже в этой комнате.

Он стал дико озираться. Заглянул под кровать, в платяной шкаф, в ванную. Везде пусто. Разгладил одеяло. Когда же повернулся, чтобы выйти из комнаты, заметил на внутренней стороне двери... Еще одна дохлая крыса – что же еще? Ее закрепили на поверхности двери гвоздем, вбитым в череп, ее маленькая зловещая мордочка застыла в зверином оскале. В пасть вставили листок бумаги, свернутый в форме сигареты. Джейми содрогался, выдергивая бумагу, разворачивая и читая ее.

Крепко спал? Через тридцать часов твое испытание. Рассмеши нас, парень. Это твое задание. Мы не знаем как. Не знаем, кто получит увечье или умрет. Проходи испытание веселей. То же касается твоего приятеля. Ему осталось до пробы двадцать два часа.

Гонко, от имени Цирка семьи Пайло

Джейми сунул записку в карман и с гримасой отвращения открыл дверь. Снаружи, в холле, все было тихо, слабый свет светильников распространялся между высокими стропилами. Он едва расслышал шум пылесоса, доносившийся со стороны одной из спален. Подбежав к лифту, нажал кнопку и, как только двери раскрылись, услышал издали возглас:

– Это не смешно!

Джейми оцепенел и издал сдавленный звук, но через секунду или две молча пошел дальше. Ему показалось, что голос прозвучал лишь в его воображении. Эта мысль, однако, не утешала. Лифт спустил его в вестибюль, где входные двери были закрыты и заперты, как он их и оставил. Не было признаков жизни и в сводчатой галерее снаружи. Ворота там были закрыты в обоих концах. Как клоуны попали бы сюда, если не через входные двери? Он вспомнил о двери рядом с кухней, выходящей на маленькую улочку, куда заезжали мусоровозы. Клоуны могли бы преодолеть забор и пробраться в клуб каким-то образом через дверь, подумал Джейми. Но их бы увидели на многолюдной улице. Единственный другой способ, который можно было представить себе, заключался в том, чтобы взобраться по боковой стене здания, как человек-паук, и проникнуть через верхнее окно.

В вестибюле Джейми на мгновение сел и прислушался. Единственное, что он услышал, – это приглушенный спокойный шум уличного движения снаружи, где вереницы такси развозили по домам пьяных посетителей ночных клубов. Он включил два монитора системы безопасно-

сти, расположенные рядом. Маленькие экраны отбрасывали в глубь темного вестибюля рассеянный серый свет. Камера показала черно-белую картинку безлюдной кухни. Через несколько секунд картинка переместилась в один из коридоров. Он также был пуст. Далее следовали темная аллея, ряды контейнеров. И там все было тихо. Затем он увидел подвал.

Там они и были.

Джейми понадобилось всего несколько секунд наблюдения за ними, чтобы прийти в состояние оцепенения. Гоши смотрел в камеру прямо на Джейми, зрительный контакт был вполне реальным. Гоши вытянул руку, и в ней оказалась зажигалка. Крохотное пламя плясало, освещая серую сцену и искажая окружающую обстановку. За спиной Гоши находились... один, два... *три* других клоуна. Они привели с собой своего приятеля, понял Джейми. Эти трое чем-то занимались на заднем плане. Джейми увидел, как худошавый клоун машет топором, прежде чем картинка на мониторе поменялась, показав другой пустынный коридор, затем снова кухню.

«Почему подвал? – подумал Джейми. – Зажигалка. Огонь. Для чего? Что они?..»

Затем оцепенение прошло. В стены подвала были встроены три огромные деревянные бочки. К ним были подведены трубы, проходившие, как вены, сквозь стены клуба на кухню, в бар и подсобные помещения. В бочках находилось большое количество чистящих веществ: изобутиловый спирт, терпентиновое и эфирное масла. Все это было крайне огне- и взрывоопасно.

С губ Джейми сорвался стон, он схватился обеими руками за стойку регистратуры, представив, как огонь распространится по трубам, вызовет пожар на всех этажах. Прежде чем сюда доберется пожарная команда, клуб превратится в огненную ловушку, подумал он.

Джейми схватил телефонную трубку. Его руки тряслись. Монитор начал повторный обзор, но нигде не было никаких признаков присутствия людей. Молодой человек набрал номер и вызвал службу чрезвычайных ситуаций. Последовало три-четыре гудка. Монитор переключился на кухню. Наконец женский голос спросил: полиция, пожарная служба, скорая помощь?

На мониторе появился коридор.

– Полицию, – хрипло прошептал Джейми.

– Полиция слушает, – сказал другой женский голос.

– Привет, у меня проблема с какими-то клоу... парнями. Полагаю, они идут...

Он наблюдал, как монитор переместился на подвал. Клоунов не было. На заднем плане он увидел деревянные бочки, которые находились в нормальном состоянии.

– Да? – спросил голос в трубке.

Джейми вглядывался в монитор, пока картинка не переместилась назад на кухню, где один из шефов шел, зевая, включить печи.

– Да? Где вы находитесь?

Он повесил трубку. Сел, обреченно глядя в мониторы, которые совершали повторный круг обзора; в подвале клоунов не было. Возможно, их и вовсе не было.

Джейми вышел за дверь, прошел по сводчатой галерее, отпирая ворота и передвигаясь быстрыми шагами. В ушах звенел вопрос: «Где вы были в субботнюю ночь 10 февраля?» Джейми дважды оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что здание стоит на месте, затем трусцой побежал к стоянке такси на Эдвард-стрит. Его глаза искали просторные цветастые рубашки, полосатые брюки и крашенные лица.

Он ожидал в очереди такси вместе с последним потоком пьяниц, которые отправлялись домой, где их ожидало похмелье и тяжелое пробуждение. Лишь горстка их упрямо толкалась у казино, единственного места в Брисбене, где торговали коктейлями во время завтрака. Джейми ощущал себя таким же осовелым, как самый пьяный из них.

Год назад он потреблял по десять бутылок каждый день недели, к выходным достигал потолка. Никто не считал это предосудительным – его одобряли, *хвалили* – пожалуйста, ради бога. Сейчас, оглядываясь назад, ему трудно было в это поверить. Каждый дом, в который он приходил, был заставлен батареями пустых бутылок, заклеен плакатами, которые вопрошали: «Текила: вы обнимали сегодня свой унитаз?» Здесь были кабацкий юмор, лакомства, приклеенные к стенам бутылочные крышки – весь необходимый набор для попойки. Это было повсюду, поэтому никто не обращал внимания.

В очереди на такси вокруг него толпились алкоголики, представлявшие опасность для себя и посторонних, разыгрывавшие свои невнятные мелодрамы. Среди них не было никаких цветастых рубашек, полосатых штанов и пластмассовых носов. Присутствие здесь клоунов было невозможно.

Перед ним остановилось такси. Пьяная пара попыталась отпихнуть его. Джейми оттолкнул их, проявив редкую твердость характера, и захлопнул дверцу до того, как пьяная особь мужского пола смогла ему помешать. Он велел водителю ехать к Новой ферме, поискал в кармане деньги и обнаружил записку, которую вынул из пасти дохлой крысы, – вещественное доказательство существования клоунов.

Через тридцать часов твое испытание. Рассмеши нас, парень.

Такси ехало по Бронсвик-стрит в тишине и полном отсутствии других такси. Рассвет стаял ночь, как одеяло с неприбранной постели, выявив последнего посетителя клуба и уличных девиц, бредущих домой.

Они остановились рядом с домом. Джейми расплатился с таксистом и внимательно осмотрелся вокруг. Маршалл стоял на лестнице со шлангом в руках. Впервые парни занялись уборкой помещения. На лице Маршалла застыло такое выражение, как будто его внезапно контузило, – кто будет винить его за это? По лестнице сбегала вода, оставляя мерзкие разводы дерьма на стене дома.

Джейми в отвращении покачал головой и пошел вокруг к входной двери. Вода из шланга Маршалла стекала в сточную канаву. В воздухе стояла невыносимая вонь. У двери он увидел соседей, следящих за ним через окна, они покачивали головой. Ему нечего было им сказать. Он сконфуженно помахал им рукой, пожал плечами и вошел внутрь дома.

Гостиная и коридор были вычищены от грязи. Кто-то сломал освежитель воздуха в тщетной попытке перебить вонь. Надпись «Политические свиньи» смыли со стены. Когда Джейми проходил мимо комнаты Стива, оттуда донесся приглушенный тревожный крик. Дверь открылась, и высунулась голова Стива с широко раскрытыми испуганными глазами.

– Джейми? Слава богу!

На мгновение он подумал, что Стив хочет его обнять. Его глаза странно светились.

– Джейми, они приходили снова.

Джейми устало смотрел на него и ждал продолжения.

– Клоуны приходили, – произнес Стив в порядке уточнения. – Понимаешь?

– Я и не думал, что это «свидетели Иеговы». Что случилось?

Стив схватил его за руку и втащил в спальню. Он сел на кровать, Джейми – в кресло. Только эти две вещи в доме не пострадали. Круглое, обычно розовое лицо Стива выглядело полностью выскобленным, но на нем оставался слабый налет краски.

– Они приходили, когда я спал, – сказал Стив, подавшись вперед и говоря шепотом. – Они хотят, чтобы я, то есть мы оба прошли какую-то пробу. Если мы не сделаем этого, они будут приходить снова. Не знаю, что эти клоуны собой представляют, но они страшные люди. Думаю, они могут быть частью этого, как ты его называешь? – религиозного...

– Кюльта?

– Ага. Как тот несносный парень из сериала, который всегда сообщает новости во время финальных игр... Может, организовали сотню таких парней?

Джейми пожал плечами:

– Не думаю, но это лучшее из того, что можно придумать. Что случилось?

– Когда я проснулся, тот худощавый сидел на моем сундуке скрестив ноги. Другие стояли за ним и просто смотрели на меня. Это чертовски *скверный* человек. Я вскрикнул, и этот тощий вынул баллончик и наполнил мой рот кремом для бритья. Я чуть не задохнулся. Он говорил что-то вроде «У тебя осталось двадцать два часа до пробы». Я спросил, что, черт возьми, мне нужно делать. Он ответил: «Рассмешить нас». Так было дело. Затем они ушли.

Джейми кивнул:

– Они и в клубе были. Угрожали взорвать здание.

Стив двинулся вперед и дотронулся до ноги Джейми.

– Кто они? Откуда они пришли?

Джейми пожал плечами:

– Я знаю столько же, сколько и ты. Ты что-нибудь говорил соседям? Я имею в виду про погром.

– Сказал то же, что и тебе. Приходили какие-то парни. Но я сказал им, что это были байкеры, которые ищут одного из друзей-наркоманов Маршалла, который задолжал им деньги. Маршалл был очень напуган.

– Неплохая версия. Он поверил, а?

– Да. Он готов обгадиться. Натаниэль поверил тоже. Он умчался куда-то. Сказал, что не вернется, пока все это не закончится.

Джейми встал, чтобы уйти. Вонь от канализации ослабевала, но все еще давала о себе знать. Его не интересовало, как удалось Стиву спать в такой атмосфере.

– Клоуны говорили тебе еще что-нибудь? – спросил он в дверях.

– Ну, они говорили всякие странные вещи. Этот худощавый – чертов *псих*. Кажется, его зовут Гонка.

– Гонко.

– Да. Слушай, Джейми...

«Он собирается сказать мне, что боится, – подумал Джейми. – Прекрасно, теперь мы товарищи по оружию. Я и он против всего мира. Это великолепно».

– Я боюсь, Джейми.

Стив опять двинулся, словно хотел обнять его. Джейми быстро вышел. В коридоре дрожащий Маршалл скреб, поливал из шланга и выметал грязь с почти сверхъестественным усердием. Похоже, он приготовил для себя немного метамфетамина для работы, который предпочитал кофе. Когда Джейми проходил мимо, он выпалил скороговоркой:

– Слушай, Джейми, жаль, что случилась эта кутерьма. Не бойся, байкеры больше не придут, гарантирую.

Я сделал несколько звонков, все уладил. Думаю, произошло недоразумение. Мне действительно жаль...

Джейми хлопнул перед его носом задней дверью, делая вид, что сердится. В его комнате пол все еще был усеян битым стеклом. Единственная перемена заключалась в том, что сквозь доски пола сверху просачивались редкие капли дерьма. Ваза с маргаритками находилась там, где он ее оставил. Джейми предпринял несколько предварительных шагов для уборки своего гнезда. Ему понадобилось часа два, чтобы устранить последние следы канализационной жидкости и обработать комнату дезинфицирующим средством. Он вымет золу и провода с места, где стояла его кровать, и накрыл это место подушками.

Лежа среди обломков, он увидел вазу с маргаритками и неожиданно рассмеялся. Несколько минут он лежал в состоянии легкой истерии, которая угрожала захватить его сильнее и не отпускать.

Глава 4

Испытание Стива

Он очнулся от беспокойного сна, обнаружив, что головная боль, вызванная ударом скалкой, наконец прошла. Позднее послеполуденное солнце сверкало на битом стекле, острые концы солнечных лучей играли на множестве зазубренных осколков. Он встал и расчистил себе путь среди осколков к двери, затем остановился как вкопанный: к рукоятке двери был приклеен клейкой лентой обрывок бумаги. Он сделал шаг назад и выругался, когда в пятку впился осколок стекла. Со слезящимися глазами он вытащил осколок из пятки, схватил записку трясушимися руками и понял затем, что едва сохраняет присутствие духа.

В записке говорилось:

*Прошло двадцать часов, парень. Надеюсь, ты что-нибудь придумал.
Гонко из Цирка семьи Пайло*

Джейми немного постоял в удрученном состоянии, словно проглотил большой кусок глины. Внутри его все дрожало. Потом он произнес:

– Пошли они к черту.

Он решил для себя, что больше не будет думать о клоунах. В самом деле, что они реально могут ему сделать? Не убить же? Нет, он вырос в городском предместье и знал об убийствах только из фильмов и газетных заголовков. Если они появятся снова, он вызовет полицию. Если же они будут преследовать его, он выяснит у криминальных дружков Маршалла, где можно купить пистолет.

Джейми удалось найти среди всякого хлама лейкопластырь и заклеить рану на пятке. У него осталась лишь служебная одежда, поэтому он облачился в нее и направился к задней лестнице. Наверху вонь ослабла, видимо кто-то оттирал дерьмо спиртом. Несколько тарелок и чашек спаслись от погрома и стояли близ раковины невымытыми. Джейми приготовил себе кофе и пошел с чашкой в руках к себе в спальню. В коридоре кто-то мелькнул у него перед глазами и исчез в гостиной. Джейми заглянул туда.

Там на диване сидел и смотрел на него человек в просторной цветастой рубашке, с большим красным носом и большими туфлями такого же цвета. Это был клоун Гоши.

Сердце Джейми забилося. Он моргнул – видение исчезло. Все это больное воображение, подумал Джейми. Никаких проблем. Просто психоз, вызванный стрессом. «У меня действительно, черт побери, шарики за ролики заходят», – подумал он в замешательстве, затем его поразил приступ хохота. Он глубоко вдохнул несколько раз, отогнав более опасный прилив страха, чуть не разрыдался, но услышал, как кто-то всхлипывает. Стив! Джейми постучал в его дверь.

– Кто? – спросил Стив.

Его голос прозвучал испуганно. Когда он появился здесь, выглядел одним из тех парней, которые привыкли издеваться над другими и не терпели этого в отношении себя. Джейми не раз прощал ему это: он мог держать психологический удар. Имел большую практику. Знал, как надо держать себя в руках, как снять напряжение.

Он подавил в себе желание симитировать свистящий звук чайника у двери Стива.

– Я, – сказал он вместо этого. Открыл дверь и увидел своего партнера по аренде дома сидящим на кровати с красными глазами и мокрыми щеками. Подумать только, еще сорок восемь часов назад Стив был мачо. Джейми чувствовал социопатический трепет. Ему не нравилось это, но он не мог выйти из этого состояния. С соответствующим чувством безучастности он смотрел, как Стив утирает глаза и хлюпает носом. – Они снова приходили? – спросил Джейми.

Стив указал на туалетный столик. Рядом с фото матери в рамке и порнографическим журналом лежала сложенная вдвое записка, такая же, какую Джейми обнаружил у себя. Он раскрыл ее и прочитал:

Плаксивый сосунок, осталось четырнадцать часов. Решайся.

Гонко, ЦСП

– Не знаю, что они хотят от меня, – взмолился Стив. Он начал бормотать что-то о вызове полиции, о том, что он никогда не прибегал к этому, и тому подобное. Но Джейми не слушал, он размышлял. Во-первых, тональность записки к Стиву была недоброжелательной. На столике лежали рядом две другие записки клоунов. Джейми прочел и их.

Осталось тридцать часов. Часы тикают, урод.

Гонко, ЦСП

Осталось девятнадцать часов. Перестань канючить, кикимора.

Гонко, ЦСП

По сравнению с ними записки к Джейми были более вежливыми. Во-вторых, имелся зазор между временем, оставшимся у Стива, и его собственным. Ах да, Джейми был на работе, когда клоуны явились сюда в первый раз. Временной зазор составляет примерно шесть или восемь часов разницы, что дает Джейми возможность узнать о последствиях в случае провала Стивом «испытания».

– Я боюсь спать по ночам, – жаловался Стив. – Боюсь выходить из дому. Не могу даже онанировать без мысли об этих ублюдках.

Джейми оставил его страдать в одиночестве. Он стащил пару ботинок из спальни Маршалла, спустился по лестнице и приготовился к уборке.

Его глаза избегали смотреть на часы. За два часа он очистил спальню от больших осколков стекла. Затем вооружился совком и сгреб оставшуюся сверкающую мелочь в кучки.

Часы пробили десять. Джейми принялся за ликвидацию пятен и запаха, а также за сортировку сохранившихся и полностью утраченных вещей. К этому времени у Стива осталось около шести часов для принятия решения.

Тик-так. Тик-так.

* * *

Джейми присел отдохнуть на подушки и погрузился в неожиданный сон. Чей-то стук в дверь разбудил его. Он поднялся и распахнул дверь. Перед ним стоял Стив.

Сердце Джейми снова бешено забилося.

– Что тебе надо?

Стив выглядел как привидение.

– Я кое-что придумал.

Джейми прикрыл глаза:

– О чем ты говоришь?

– О прохождении испытания. Помнишь?

Ах да, Стив не отличался избытком креативности. Джейми сказал:

– Послушай, забудь об этом. Если они придут, вызови полицию. Вот и все.

– Да, но... ты знаешь, что *если*...

– Ты получил другую записку?

– Нет. Но... я не могу спать. Не могу не смотреть на часы. Я стараюсь придумать какой-нибудь план, на всякий случай, но у меня ничего не получается.

– Неудивительно, – сказал Джейми. – Думаю, из тебя не выйдет клоун, Стив. Ступай, мне хочется спать.

Уходя, Стив бросил на него взгляд побитого щенка. Джейми снова уснул.

Он проснулся в семь утра, проспав слишком долго. Медленно поднялся на ноги, стремясь понять, запуган он или нет. Срок испытания Стива уже прошел.

Джейми пошел на второй этаж. Из окна кухни увидел, что рядом с домом припарковалась полицейская машина. «Полиция!» В голове завывала сирена. «Что-то случилось – они взорвали клуб! Мне конец».

Он слышал голоса в коридоре. Прокрался в гостиную и прислушался. Копы разговаривали с Маршаллом.

– Не знаю, – отвечал Маршалл. – Последний раз я видел его на крыше. Не могу понять, что он там делал.

– И в комнате у него нет чего-нибудь подобного? – спросил один из полицейских.

– Не знаю, начальник! – взмолился Маршалл. – Мне неизвестно, хранят или нет в этой комнате чертовы наркотики. Почему бы вам не взглянуть самим? Вы же копы, так?

Джейми тихонько вернулся на кухню и стал ждать ухода полицейских. Когда они ушли, он услышал, как Маршалл ругается и разбрасывает вещи.

– Что случилось? – спросил его Джейми, стоя в дверях.

Маршалл повернулся. Болезненная худоба и козлиная борода делали его похожим на жреца. Его комната была декорирована кельтскими символами, на многих из них запечатлелись порезы и ожоги после посещения клоунов. В руках Маршалл держал повестку с предписанием явиться в суд. Он поднес трясущийся указательный палец прямо под нос Джейми.

– Эти... грязные свиньи... нашли трубку и мешочек с зажимом. Господи, в нем был кокаин. Я попался из-за кокаина! – Он сплюнул и покачал головой. – Это даже не очень качественный гашиш. Знают ли они, сколько амфетамина прошло через этот дом? – Он указал на обувную коробку, лежавшую на полу у постели, и прошептал: – Прошлым месяцем я приберег там героина на пятьдесят тысяч долларов. И я попался на кокаине!

Джейми давно перестал удивляться взглядам Маршалла на жизнь. Он пожал плечами:

– Послушай, ты видел сегодня Стива?

– Не знаю, приятель. Не могу в это *поверить*...

– Я верно расслышал, что он взобрался на крышу?

– А? Да, он был на крыше.

– Почему?

– Не знаю. Он кричал, что надеется, что получилось неплохо. Если он вызвал копов ко мне, то ей-богу... кокаин!

Джейми оставил Маршалла с его проблемами. Взобрался на крышу... Конечно нет, конечно, Стив сделал это не для того, чтобы пройти испытание. Это было слишком банально. Покачав головой, Джейми постучал в дверь Стива. Ответа не последовало. Он вошел и остановился как вкопанный.

Кровать была в крови. Подушка – в крови. Кровь на полу, на стенах. Вдоль них прочерчены рукой красные полосы.

Джейми зашатался, он был в состоянии близком к обмороку. Его затошнило. Кровь... Он никогда не видел так много крови.

На подушке лежал листок бумаги, сложенный как и другие записки. Он попытался подойти, взять листок, но ноги отказывались приблизиться к кровавому кошмару. Джейми заставил себя медленно отступить за дверь и тихонько закрыл ее за собой.

«Не стоит бояться, – утешал он себя. – Время еще есть. Много времени. Я пройду это проклятое испытание».

Из вестибюля он слышал, как Маршалл сетовал на конфискацию полицией наркотиков, не обращая внимания на то, что произошло в комнате, расположенной по соседству. Джейми взглянул на часы и подивился тому, каким образом его жизнь изменилась в худшую сторону за столь короткий срок. Разве она не была нормальной всего неделю назад? Может, не особенно радостной, но... нормальной ведь?

Ему следовало явиться в клуб через час. Он не думал, что так случится.

– Надо разобраться с этим, – шептал Джейми.

Глава 5

Испытание Джейми

– Сколько времени, Гонко? Сколько времени?

Гонко, главный клоун, одну-две минуты промедлил, прежде чем ответить Дупи. В эти минуты Дупи разволновался так, что заскулил как собака. Эти мелочные волнения не беспокоили Гонко. Он ощущал себя в домашней обстановке.

– Скажи, Гонко, это не смешно!

Гонко вынул из кармана часы, позволив серебряной цепочке повиснуть на запястье. Цепочка приняла форму маленькой висячей петли. Часы показывали, что до испытания юного Джейми оставалось двадцать минут.

– Гонко, это не...

– Двадцать минут, Дупи, – тихо сказал Гонко.

Три клоуна, Гоши, Дупи и Гонко, сидели в своей палатке на игровой площадке Цирка семьи Пайло. Это было самое грандиозное представление на земле, хотя ни один человек в мире, кроме Джейми, не знал его название.

– Где Рафшод, Гонко? Где Рафшод?

Дупи знал это очень хорошо. Он спросил лишь для того, чтобы ему не ответили, чтобы он продолжал мучиться, суетиться и злиться. Гонко был вынужден не отвечать – если бы он ответил, через мгновения последовали бы новые вопросы. А ответ состоял бы в том, что Рафшод лежит в постели, поскольку Гонко его невольно избил. Рафшод в общем любил, когда его бьют, но это был особый случай – его следовало наказать за глупую выходку. Именно Рафшод сунул мешочек с порошком в штаны Гоши как раз в то время, когда Гоши, заблудившись, бродил за пределами цирка.

Найдя порошок, клоуны задумали некоторое время поиздеваться над Джейми и затем прикончить его. Но удар скалкой привел Гонко в истеричное или близкое к этому состояние. С помощью предсказательницы, наблюдавшей за Джейми через хрустальный шар, он присмотрелся к парню поближе. Ему понравилось то, что он увидел.

Гонко снова взглянул на часы и проворчал:

– Где этот чертов клоун? – Он имел в виду новичка.

– У, черт, я не уверен, – сказал Дупи, старательно обтиравший носовым платком рот Гоши. Тот удовлетворенно моргал, вытянув руки по швам. – Кажется, я видел его, м-м-м, у Шелис. Я видел, Гонко, мне кажется. И который, кажется, кажется... – Дупи нахмурился. – Помнишь, Гонко, когда ты спросил меня, где он? Помнишь? Ты только что его заметил. Ты только...

– Ша!

– Прости, Гонко, я только...

Гонко взглянул на часы в третий раз и с неудовольствием цыкнул сквозь зубы. Он потратил целое состояние на взятки с целью позаимствовать хрустальный шар для наблюдения за этой пробой – он не состоял в перечне получателей рождественских поздравительных открыток от предсказательницы.

Дупи неожиданно повернулся к нему лицом:

– Мне не нравится помощник, Гонко, не нравится.

Дупи говорил правду. Помощник вызывал недоверие и внушал предчувствие какого-то саботажа со своей стороны.

В этот момент помощник появился в проходе в палатку. Он осторожно проследовал внутрь с опущенными плечами и с хрустальным шаром в руках. Гонко с неудовольствием смот-

рел на его медленную походку. Казалось, каждое движение помощника говорило: «Жду, пока вы не повернетесь спиной».

Гонко взглянул ему прямо в глаза. Более искусный циркач не стал бы встречать его взгляд. Но помощник посмотрел в ответ довольно нагло. Гонко резко поднялся, чтобы заставить его вздрогнуть. Это сработало. С чрезвычайной осторожностью он принял из рук помощника хрустальный шар, поднял его на уровень глаз, положил на стол и сказал:

– Убирайся.

Помощник медленно вышел. Он намеренно задержался у входа, чтобы главный клоун повторил свое приказание. Это тоже было неразумно. Гонко стоял и рылся в кармане, потому что неожиданно решил прикончить медлительного клоуна там, где тот остановился. Но в этот момент помощник отошел дальше.

Наблюдая за ним, Гонко пробовал пальцем лезвие ножа, который вынул на мгновение из кармана, затем сплюнул и сунул его обратно. Гоши издал гудящий звук. Гонко показалось, что он выразил легкое неодобрение, но истинное значение было понятно только самому Гоши.

Огонек свечи отражался на поверхности хрустального шара, как желтый глаз. Главный клоун прикоснулся ладонью к прохладному стеклу и пробормотал:

– Джейми.

Стеклянный шар затуманился, будто кто-то изнутри выдувал на его гладкую поверхность дым. Часы Гонко показывали, что у Джейми осталось пятнадцать минут.

«Я дам ему небольшую поблажку», – подумал Гонко, следя за молодым человеком. За стремлением Джейми вести рациональную жизнь, в которой все предельно ясно и упорядоченно, скрывался источник эксцентричного поведения, грозивший прорваться наружу. Видимо, Джейми инстинктивно старался удержать этот источник в заглушенном состоянии. И чем больше он стремился сдерживаться, тем внушительнее становились результаты борьбы. Парень либо временно ломался, либо постоянно прогибался. Никто не прогибается больше, чем тот, в ком полностью отсутствует гибкость.

Стекло прояснилось, и появился новый рекрут. Гонко видел, что из-за преследования со стороны клоунов Джейми находился на волосок от нервного срыва. Гонко был доволен проведенной кампанией. Расчет времени оказался идеальным, и теперь парень вот-вот созреет. Два других клоуна подошли к Гонко и склонились над стеклянным шаром в его руке. Гоши издал короткий гудок, который мог расшифровываться как «о-о-о!». Разгадки его значения не было – возможно, это был возглас узнавания, поскольку высокий рыжий парень шагал по внутренней поверхности шара.

– Заткнись, Гоши, – одернул брата Дупи. – Заткнись, он начинает.

Торговый центр на Квин-стрит был набит туристами, наслаждавшимися жарой, и местными жителями, желавшими укрыться от нее. Поток пассажиров, одетых в костюмы с галстуками, вливался в понедельник на железнодорожный вокзал. Две минуты пятого дня по толпе прокатился ропот беспокойства, а когда люди повернули голову, Квин-стрит замолкла. Откуда-то сверху доносился вой, столь громкий и пронзительный, что в нем лишь смутно угадывался человеческий крик. Сразу же после него с той же стороны последовала отрывистая, словно пулеметная очередь, дробь. Все обратились во внимание. Облако серого дыма поднималось к небу.

Прозвучал пронзительный вой, резкий и протяжный. В толпе послышались тревожные крики: «Это бомба! Бом-ба-а-а-а!»

Страх распространялся в толпе, подобно ряби по воде. Грохот продолжался. Двое полицейских осторожно потрусили туда, откуда поднимался дым, поддерживая руками пояса. Неожиданно среди покупателей прокатился гул удивления. Высокий, поджарый и голый парень совершал неуклюжую пробежку. Копна рыжих лобковых волос нависала над его отчаянно вих-

ляющим членом. Его бег походил на тот, что можно было увидеть в комедийном шоу «Летающий цирк Монти Пайтона», и напоминал гусиный шаг: он делал скорее прыжки, чем шаги. Локти были отведены назад, как распростертые крылья. Лицо скрывалось под наволочкой. Он смотрел на толпу сквозь прорези для глаз, видя лишь смутные формы и препятствия на пути.

Его грудь была выкрашена в зеленый цвет, на ягодицах – свастики. На спине – улыбающееся лицо. Краска расползлась от пота, и вскоре рисунок, а также символы превратились в зеленые пятна. За ним гнались три озадаченных полисмена, мужчины среднего возраста. Они пытались догнать его, но, несмотря на свой эксцентричный бег, Джейми был быстрее. Он, как футболист, ловко лавировал между местными жителями, студентами и японскими туристами, которые нацеливали на него фотокамеры. Джейми снова взвизгнул во всю силу легких:

– Здесь бомба! Бомба!

Его наволочка немного сместилась, и он моментально лишился обзора. Не располагая временем пожалеть об этом, он стащил ее с головы и бросил на мостовую. Вверху, у казино, дым превращался во внушительный серый туман. Хлопки и треск достигли максимальной силы, затем прекратились.

Никакой бомбы не было. Хлопки и треск производили пиротехнические устройства, которые он приобрел в маленьком магазинчике в Долине Мужества. Выкрасив себя в общественном туалете и пройдя по Квин-стрит в плаще, под которым не было никакой одежды, он обложил пиротехникой кусты на холме торгового центра. Джейми не имел никакого представления о том, понравится ли его замысел клоунам. Не знал он даже того, заметят ли они его выходки, но это все, что он мог придумать. Если бы не головная боль, которую доставляло ему преследование клоунов – кровь Стива была последней каплей, – Джейми мог бы просто вызвать полицию и обеспечить себе спокойное существование.

Но после того, как он побежал под гору в торговом центре, тревоги последней недели почти исчезли. Мысли его прокручивались в мозгу, словно магнитофонная лента. Он не ощущал под ногами мостовой, не чувствовал напряжения мышц ног. Ему казалось, что он был способен взмыть вверх.

Конечно, он не мог оставаться бесконечно в переполненном торговом центре. Добежав до людской стены и не заметив в ней прохода, он понесся прямо на двух школьниц, которые с визгом упали, и, о, чудо, избежал того, чтобы упасть на них плашмя. Лежа на земле, он заметил, как в нижней части торгового центра остановилась на свет семафора машина с бригадой корреспондентов «Семи новостей». Фоторепортер высунулся из окна с улыбкой на лице и направил объектив на Джейми.

Джейми поднялся, прикрывая пах. Школьницы снова завизжали. Он видел через плечо, как приближаются полисмены. Прямо на него с другой стороны бежали еще два копа. Джейми сделал глубокий вдох и помчался в направлении площади Короля Георга.

Представление кончилось позорным шествием голышом и в наручниках через площадь Короля Георга. Женщина-полицейский бросила ему полотенце, чтобы он прикрылся, с видом полного безразличия на лице.

– Вы не понимаете! – кричал Джейми, когда его повалили на землю. – Это клоуны... Я был вынужден... Меня заставили клоуны...

В полицейском участке ему зачитали обвинения. Непристойное обнажение. Нарушение общественного порядка. Угроза насилием (школьницам), возможно, попытка изнасилования (школьниц). Нарушение общественного спокойствия. Незаконное использование пиротехники. Незаконные действия. Сказали, что ему будет предъявлено после консультаций с федеральной полицией дополнительное обвинение, поскольку были приняты новые законы против терроризма, которые предусматривали наказание за имитацию взрывов как за реальную угрозу. Это означало, что Джейми мог быть официально признан террористом.

Кроме того, стоял вопрос о возможном убийстве Стива, о котором он не смел упомянуть. Он должен был спросить полицейских об этом, подумал Джейми, но на данный момент было достаточно того, что он отвечал на их вопросы. На него навалилась ужасная усталость. Он не хотел больше ничего, кроме того, чтобы устроиться в теплом местечке и закрыть глаза.

В полночь полицейские его отпустили. Между тем Джейми в голову пришла новая, еще более ужасная мысль. «В действительности каждый эпизод этого происшествия мог быть продуктом работы твоего мозга, – думал он. – Все это могло быть плодом твоего воображения с того самого момента, когда ты впервые увидел клоуна на дороге. Если ты на самом деле столь безумен, то подумай: почему? Может, ты виновен в кровопролитии в комнате Стива. Может, ты совершил это во сне. Может, ты прокрался туда и прикончил его. Может, именно ты совершил погром в доме. Возможно, ты попал в очень большую беду, и не только в связи с нарушением закона. Беда кроется в твоей собственной голове. Возможно, ты больше не увидишь дневного света».

Всеми этому он не мог противопоставить ни одного возражения, пока медленно брел домой. Если бы каким-то чудом Стив оказался в доме, живым и здоровым, Джейми мог бы тихонько направиться в лечебницу для психов и попытаться забыть обо всем.

Придя домой, он увидел записку, лежавшую на его импровизированной, сложенной из подушек постели. Он задержался в дверях, глядя на нее и чуть покачиваясь на ногах. Оставался в таком положении почти пять минут, пока не успокоилось сердцебиение.

Затем подошел к постели и взял записку. В ней говорилось:

Поздравляем.

Гонко, Цирк семьи Пайло

В клоунской палатке Гоши выводил трели, похожие на щебет попугая. Эти звуки, собственно, ничего не значили, они лишь указывали на то, что часть его механизма все еще действовала и что Гоши еще тикал по-своему.

Клоуны наблюдали представление в хрустальном шаре начиная с того мгновения, как Джейми вымазал себя краской, до момента, когда его схватили копы перед Сити-Холлом. Дупи сопровождал весь просмотр комментариями, которые сводились к возгласам:

– Ого... Черт... Что он делает?.. Где он?.. Черт.

Линия рта Гонко искривилась в улыбке, что заметил бы лишь опытный глаз. Когда Джейми повели, заломив за спину руки и надев на них наручники, Дупи повернулся к Гонко и сказал:

– Гонко, он все сделал как надо? А, Гонко? Помнишь, я спрашивал тебя, сумеет ли он сделать все как надо?

Гонко искоса посмотрел по сторонам:

– Мне кажется, он сделал все прекрасно.

– Да, Гоши тоже так думает, разве не так, Гоши? Разве не так?

– У-гу-у.

Гонко обхватил ладонью стеклянный шар, как человек, готовящийся погасить свечу.

– Он старается взобраться на эту чертову крышу, – пробормотал он. – Я дам ему возможность это сделать.

Гоши издал ничего не выражающий свист. Клоуны встали. В качестве дивана они использовали связанного человека, во рту которого торчал кляп. Его звали Стив, и он полностью вырубился.

– Дадим молодому Джи-Джи пару часиков поволноваться, затем придем за ним, – сказал Гонко. – Раф пришлет ему записку. А этого уберите с моих глаз, – приказал Гонко, пнув безжизненное тело ботинком.

Джейми не проснулся в ту ночь, когда руки клоунов осторожно подняли его с пола. Гонко присматривал за этим. Он приложил на несколько секунд к лицу спящего смоченный хлороформом белый платок, затем снова сунул его в карман.

Рядом с ним находились Рафшод и Дупи. Он брал их с собой и во время похищения Стива. Кровь в комнате Стива фактически была кровью Рафшода, который размазал ее по полу и стенам, чтобы произвести впечатление. Три клоуна втиснули Джейми в захваченный с собой мешок для трупа. Гонко понравилась идея неожиданно разбудить живого человека в мешке. Скривив губы, он застегнул мешок на молнию. Два других клоуна взяли его и потащили на улицу. За домом был припаркован пикап, его работающий двигатель нарушал тишину улицы, залитой лунным светом. Мешок положили в кузов. Дупи и Рафшод затеяли яростную борьбу за сиденье рядом с водителем, их клоунские туфли терлись об асфальт. Дупи победил. Рафшод прыгнул в кузов, где лежал Джейми, и Гонко погнал машину, сделав по дороге несколько виражей, чтобы задавить двух бродячих кошек. Дупи сказал, что это не смешно.

Они проехали километр и остановились рядом со строительной площадкой, на которой возводился жилой дом. Именно здесь Гонко позаимствовал пикап. Он спрыгнул с водительского места, открыл капот и вытащил из брюк топорик, в несколько ударов вывел двигатель из строя. Звуки ударов металла о металл прозвучали в ночной тишине как выстрелы. Он вынул из кармана поздравительную открытку и написал на ней: «С благодарностью за одолжение, Боб». Так звали владельца пикапа. Гонко поместил открытку на приборную панель, достал из другого кармана розу и прикрепил ее рядом с открыткой.

Три клоуна перебрались через забор, осторожно балансируя с мешком, в котором лежал Джейми. Клоуны направились к портативному туалету в углу двора и вошли в него, держа мешок с телом вертикально. Возникла страшная теснота. Гонко приложил пластиковую карту к блокировке. Вспыхнула небольшая красная лампочка, и сверху выдвинулась рукоятка. Он дернул ее в сторону, и пол стал со скрипом опускаться, как лифт, поскольку он и был лифтом. В этом городе имелось несколько таких лифтов, но их были тысячи по всему свету. Лифт сильно накренился. Происходил долгий спуск.

Наконец они остановились. Двери лифта раскрылись.

Цирк окутала ночь. Вокруг клоунов располагались цыганские шатры. Колесо обозрения маячило на фоне беззвездного неба, как сторбившийся скелет какого-то огромного животного. Вдали раздавался чей-то вой. Клоуны шли домой, волоча за ноги нового рекрута.

Часть вторая

Клоун Джи-Джи

В дом из зеркал идет клоун с эльфом, загляни в зеркало, и увидишь в себе клоуна.

Карусель

Глава 6

Представление

Сознание возвращалось к Джейми очень медленно. В последние два часа сновидений его не отпускала боязнь замкнутого пространства. Его мозг старался начать, по обыкновению, загрузку, как компьютер, но что-то мешало свободному течению мыслей. Во рту ощущались невыносимая сухость и слабый привкус какой-то химии.

Что-то было неладно в его ощущениях. Казалось, он проснулся, но вокруг все было черно. Он осторожно провел пальцем вокруг глаза. Глаз был открыт. Когда он двинул рукой, раздался шуршащий звук, похожий на трение о холст. В его больном сознании мелькнула картина из прошлого: семейный поход по берегу озера, когда он проснулся от лицемерия в дурном сне змеи, заползшей в палатку, и действительно обнаружил в ногах зеленую древесную змею. В испуге он всплеснул руками и застонал.

Рядом с его головой послышались шаги. Затем вплотную к лицу громко прозвучал звук вспарываемой пленки. Внезапно в тесное темное пространство хлынул свет, вызвавший резь в глазах. Наконец он услышал прямо над собой то, что ожидал услышать менее всего – голос Стива:

– Джейми?

– Чего? – только и мог он сказать.

– И ты здесь? – спросил Стив. – Мне показалось, что-то движется там. Приятель, ты можешь сам убедиться. Это карнавал или что-то похожее на него. Вставай. Пойдем!

Джейми сел и непонимающе уставился на мешок для трупов, в котором спал. Он моргнул, в голове ничего не складывалось. Страхнув с краешка глаза сон, он попытался припомнить, что происходило до того, как он заснул. Пребывание в мешке в памяти не значилось.

– Чем ты, черт возьми, здесь занимаешься? – спросил Стив, словно Джейми мог ответить на его вопрос. – А, вот он! – воскликнул Стив, подбирая с земли джемпер. – Тебе повезло, что я тебя нашел. Я пришел как раз за этим. Пойдем. Ты увидишь сам.

«Прошлой ночью... – размышлял Джейми, – отправился спать на полу. До этого?.. Копы. Караульное помещение. Да... Попался, когда бегал нагишом... А дальше что?»

Он огляделся. Они находились внутри помещения, которое выглядело как очень большой шатер. Пол представлял собой утрамбованную землю, испещренную большими уродливыми отпечатками туфель. В углу стоял стол, на котором были разбросаны игральные карты и пустые бутылки. На полу располагались десятки коробок, набитых безделушками и разноцветными лоскутами. В углу лежали доспехи, разрисованные непристойными граффити, которые изображали фаллосы и ругательства, написанные с ошибками. Солнечный свет пробивался сквозь высокие холщовые покрытия, придавая всей картине несколько болезненный красноватый оттенок.

Затем его осенило: Стив жив. Он стоял там, у входа в шатер, освещенный солнечным светом.

– Стив?! – воскликнул Джейми.

Стив взглянул на Джейми – глаза его блестели, мальчишеское лицо было мальчишеским более чем обычно, словно они вдвоем праздновали восьмое или девятое рождественское утро.

– Разве ты не... – сказал Джейми, качая головой. – Клоуны... то есть я заходил в твою комнату, там была кровь...

Стив проигнорировал его слова.

– Ты не поторопишься, приятель? Выгляни наружу. – Он скрылся за пологом шатра.

Только сейчас Джейми услышал музыку духового оркестра, игравшего карнавальную мелодию, а также гомон толпы. Он высунул голову наружу, и многоцветье поразило его, как ушат холодной воды, выплеснутый в лицо. Цвета были столь яркими, что ему пришлось зажмуриться. Открыв глаза, он увидел проходящую мимо толпу – молодые, старики, дети в ярких одеждах, младенцы в колясках и на руках матерей. К запястьям участников шествия были привязаны шары. Вокруг шатра расположился миниатюрный город, состоящий из палаток и киосков, заполненных смуглолицыми цыганами, которые торговали вразнос безделушками. По этому городу ходили толпы людей, оживленно беседующих друг с другом. Джейми поискал глазами источник карнавальной музыки, но не увидел оркестра. Казалось, музыка дрейфовала в воздушном пространстве, как бриз, как естественное продолжение цвета и запаха попкорна.

Джейми вышел из шатра. Пожалуй, он был единственным человеком, не имевшим представления о том, что, черт возьми, происходит. Стив нетерпеливо поманил его.

Джейми протер глаза:

– Стив?

– Черт, *что* тебе?

– Мы... – Он хотел спросить, живы ли они. – *Где* мы?

Стив схватил его за руку:

– Ты пойдешь, наконец? Я слышал, там будет волшебное представление, вон в том шатре.

Пойдем.

Джейми позволил Стиву тащить себя по дорожке. В отдалении он увидел раскрашенную вывеску с надписью: «Комната смеха». За ней на высоком шатре было написано: «Зона ужасов». Они прошли мимо одного гигантского шатра, на котором было выведено краской: «Главная сцена». Оглянувшись через плечо, Джейми увидел высокую деревянную арку, множество мигающих огней и услышал шум карнавала: звенящие колокольчики, лязг запущенных механических аттракционов, возгласы, крики. Он не видел вывески, но догадывался, что где-то там она есть и гласит: «Аллея интермедий».

Ответ на его собственный вопрос о том, где они находились, был очевиден: в цирке. В каком цирке, как он здесь очутился и почему, он не знал. Но неожиданно все это показалось ему не важным. Он почуял аромат попкорна, жаренного на масле, и почувствовал легкое головокружение, словно вдохнул запах какого-то наркотика. «Не важно, где ты находишься, – шепнул ему по-дружески внутренний голос. – Просто расслабься! Никаких вопросов. Это карнавал. Понимаешь, карнавал!»

Неожиданно на Джейми нахлынул прилив бодрости. Теперь он ощущал себя так, как бывало в пятницу вечером в городе, когда он сидел в баре, приняв вторую или третью порцию виски, а музыкальный автомат играл песню в исполнении «Говорящих голов», и в баре было много женщин. Он остановился, чтобы с изумлением оглядеться. Стив рявкнул в нетерпении:

– Джейми! Ты пойдешь на волшебное представление, или мне придется смешать тебя с дерьмом?

Джейми взглянул на него и улыбнулся с видом счастливого идиота.

– Конечно! – произнес он и последовал за Стивом.

На одном из шатров было написано: МУГАБО МОГУЧИЙ МИСТИК. Стив втащил Джейми внутрь, где они увидели маленькую сцену, заставленную стойками для магов. Там

лежали цилиндр, из которого, несомненно, вытаскивали кроликов, черная палочка с белыми концами, связки цветных лент и сцепленные друг с другом серебряные кольца. Стив и Джейми сели в переднем ряду. Вскоре в шатре завязался вялый разговор. В глубине сцены висел занавес. Зрители умолкли, как только за ним послышался строгий шепот.

– Фокус с кроликом? – произнес голос со странным акцентом. – Я покажу тебе фокус с кроликом, свинья!

– Мугабо, мы прошли через это, – сказал другой голос. – Ради бога, брань на врату не виснет. Ты же не собираешься позволить Рафшоду...

– Эта клоунская свинья! Ты мне друг, да? *Фокус с кроликом!* Я могу подсветить это чертово небо, разве он этого не знает? Могу – уберу руки...

Послышались звуки борьбы. Шлепки, брюзжание, падение тела на землю. Зрители с интересом наблюдали, как раздвигается занавес. Перед открытием занавеса явная ссора продолжалась целую минуту, и вместо торжественного выхода маг появился на сцене спотыкаясь и вытягиваясь, словно его схватили и бросили туда. Его приветствовали жидкие аплодисменты.

С пола медленно поднялось облако белого дыма. Когда оно рассеялось, зрители увидели угрюмого темнокожего человека в тюрбане, который старался одернуть свое облачение трясушимися руками. Маг Мугабо был высоким и долговязым. Белый тюрбан на голове делал его еще выше. В середине тюрбана сиял драгоценный камень. Маг обнажил губы и показал зрителям зубы, белизну которых подчеркивала чернота его кожи. Он выбросил руки к зрителям и сплюнул на пол.

– Прекратите бить в ладоши! – потребовал маг.

Аплодисменты прекратились.

– Так-то лучше, козлы. Хотите фокус с кроликом?

Аудитория снова зааплодировала, поощряя его веселым свистом. Мугабо кивал, его тюрбан качался из стороны в сторону. Его низкий голос становился злее.

– Хорошо. Я покажу вам фокус с кроликом. – Он подошел к столу, бросил через плечо взгляд на занавес, затем ухмыльнулся и закатал рукава. – Вот, – сказал он, – я – Мугабо, великий маг... и кое-что еще. Я посвящаю этот фокус этой свинье клоуну. Это все для него.

Он сунул руку в цилиндр, и, как и ожидал Джейми, из него показалась пара длинных белых ушей, а затем и весь зверек. Кролик дергал в воздухе лапами. Прозвучал короткий всплеск вежливых аплодисментов.

– Ага, вам нравится этот кролик? – мурлыкал Мугабо. – Прекрасно! Им нравится этот кролик. Тогда... как вам понравится... ЭТО! – Лицо Мугабо нахмурилось. Он выбросил свою руку с кроликом в направлении аудитории.

Кролик дрыгался минуту-две, маленькие лапки молотили воздух, прежде чем он обратился в белое и красное облако. Окровавленные куски мяса упали к ногам зрителей первых двух рядов. Кровь животного окропила туфли мага.

– Ха! Ха! – воскликнул Мугабо. Он изогнулся в талии, ударил кулаком по столу, издавая визг, который представлял нечто среднее между смехом и воем.

Из-за занавеса выпрыгнули две фигуры. Одну из них Джейми узнал – это был клоун Дупи. Другой фигурой был толстый карлик с повязкой на глазу.

– Все это часть шоу, люди, – сказал карлик, бросаясь на Мугабо и хватая его за лодыжки. Затем Дупи и карлик пинками выгнали мага со сцены.

Видимо, шоу закончилось. Зрители неуверенно хлопали. Джейми собрал с рубашки немного белой шерсти и обтер кровь с лица. Кроличьей кровью был забрызган и младенец на руках женщины, стоящей рядом с ним. Казалось, ее это не беспокоило. Она встала вместе с мужем, ожидая, когда можно будет пройти к выходу.

Прозвучало слабое треньканье, напоминавшее столкновение стеклянных шариков. Оно доносилось снизу, из-под ног. Глянув вниз, Джейми заметил крохотные кристаллики, местами

рассеянные в траве. Где он их видел раньше? Джейми не мог припомнить. Однако он точно знал: этих кристалликов не было на земле, когда они входили в шатер. Теперь они светились под ногами людей, шедших к выходу.

Когда они покидали цирковое представление, занавес в глубине сцены задерживался под аккомпанемент звуков пощечин, брзжания и треска. Послышался глухой удар тела, упавшего на пол. Все это составляло часть шоу.

Снаружи сквозь аромат попкорна пробивался более сильный запах – запах ладана. Он манил Джейми, и тот следовал этому зову беспрекословно. За ним шел Стив. В толпе он заметил некоторых зрителей, присутствовавших на магическом представлении. Казалось, они были совершенно равнодушны к пятнам кроличьей крови на своих рубашках и лицах, разговаривали и смеялись. Стив объяснил скороговоркой, что уходит на Аллею интермедий, и сбежал, расталкивая толпу. Джейми позволил ему уйти, потому что его отвлекали эротические видения, обещанные пьянящими ароматами, которые курились вокруг и ласкали его, как нежные пальцы. В воображении перед ним бежали смуглые женщины, похожие на египетских принцесс, нагих и порывистых, приглашающих его жестами следовать за собой. Потрясенный, он пошел по тропе, где редела толпа, постепенно замолкала в отдалении музыка, а воздух становился прохладнее.

Пара карликов, боровшихся в грязи у тропы, замерла, когда Джейми приблизился. Они сердито посмотрели на него и убежали. Вдруг эротические видения исчезли, и он оказался перед небольшой хижинкой, вход в которую перегораживал занавес из бисера. Джейми встряхнулся, огляделся в замешательстве и вздрогнул, увидев, что вокруг никого нет. Он неуверенно раздвинул бисерные нити. Кажется, это была хижина прорицательницы, и в ней уже был посетитель.

– Простите, – сказал Джейми, когда посетитель обернулся.

По коже Джейми пробежал холодок. Внутренний голос убеждал его бежать, как можно быстрее, прямо сейчас. Когда же прошел первый испуг, он понял, что лицо мужчины, должно быть, покрывал макияж. Вот почему его глаза излучали безумный взгляд из-под кустистых бровей, мрачный, как грозовая туча. Каждая черта его лица ото лба до челюстей выглядела настолько по-вол чьи, что этого человека можно было бы вполне представить воющим на луну, хотя одет он был в деловой костюм. Мужчина был ростом выше двух метров, имел слишком длинные руки и желтые ногти, похожие на когти.

Монстр с высоты своего роста смерил Джейми взглядом с головы до ног.

– Я хочу извиниться, – вежливо сказал он низким голосом. – Нет проблем. Я как раз собрался уходить. Счастливо.

Проходя мимо Джейми, он улыбнулся пухлыми губами. Улыбка казалась почти доброй, такой, какой, возможно, она бывает у волка, глядящего на волчонка. Джейми глядел на него, весь дрожа, и на секунду у него пропало веселое возбуждение, остался лишь холодный страх перед миром ловушек, препятствий и темных мест, где оступались люди.

Великан прошел сквозь занавес из тренькающего бисера, нагнувшись в дверной коробке, и удалился. Страх Джейми исчез.

То, что вне хижины обонялось как нестерпимый запах сандалового дерева, внутри ее ощущалось всего лишь тонким ароматом. Атмосфера в хижине отличалась от буйного веселья снаружи. Она была спокойнее и тише, как сон. За круглым столом сидела цыганка, постукивая пальцами по столу с картами Таро и улыбочиво поглядывая на Джейми. У нее были смуглая кожа, искрящиеся глаза и прямые черные волосы, ниспадающие с головы шелковыми прядями. Позади нее стояли книжные полки, набитые безымянными томами. На столе перед цыганкой на небольшом деревянном основании в форме клешней лежал шар.

– Не бойся его, – сказала прорицательница, кивая на монстра. – Он безвреден. Это Курт Пайло. Он владеет цирком.

– Он не выглядит безвредным, – возразил Джейми.

– Верно, – согласилась прорицательница. – В гневе он выглядит опасным. – На мгновение она устремила свой взор вдаль, улыбка сошла с ее губ. – Но требуется много усилий, чтобы разозлить его, и если ты попытаешься это сделать, он, вероятно, использует это как повод позабавиться. Пожалуйста, располагайся.

Что-то в ее голосе заставило Джейми вспомнить о крепких тягучих насыщенных ликерах, наливаемых в хрустальные бокалы. Он сел на деревянный ящик рядом со столом.

– У меня сегодня было много дел, – сказала прорицательница. – Я приняла полдюжину посетителей, нуждавшихся в предсказании их судеб, поэтому буду краткой. Твою руку, пожалуйста.

Джейми протянул руку, и прорицательница слегка провела пальцем по его ладони. Ее прохладные пальцы пробуждали в нем легкий трепет.

– Смотри мне в глаза, Джейми, – тихо произнесла она.

Он сделал это и ахнул в изумлении. Оказалось, что радужные оболочки ее глаз менялись в размерах. В одном глазу радужная оболочка росла, в другом – сокращалась, затем все происходило наоборот.

– Не бойся, – сказала она. – Просто следи за моими глазами. Разве они не прекрасны, Джейми? Не ощущаешь ли ты, что идешь по длинному темному тоннелю, когда смотришь мне в глаза? Не чувствуешь ли, как мой прохладный палец на твоей ладони чертит карту твоей судьбы? Просто гляди в глаза, Джейми... Гляди в глаза...

Этот голос проникал в него как наркотик, сладкий голос, раскрывающий ему тайны, слова, которые он мог слышать, но не мог понимать. Непроизвольно его глаза тускнели и закрывались.

«Она гипнотизирует меня», – подумал он, перед тем как поддаться гипнозу.

Голос вбивал ему в голову слова жестко, словно гвозди.

– *Завтра пополудни. Ты выйдешь из дома ровно в двадцать минут четвертого, но забудешь дома часы. Пойдешь по адресу: Эдвард-стрит, 344. Будешь ждать там у паба. Увидишь, как из переулка выходит блондинка, толкающая перед собой детскую коляску. Она будет ждать возможности перейти улицу. Ты спросишь у нее, сколько времени. Станешь нервно потирать запястье, пока она будет с тобой кокетничать.*

Джейми сонно кивнул.

– *Ты скажешь: «Премного благодарен». Затем пойдешь прямо домой. Потом не вспомнишь ее лицо. Никогда не вспомнишь этот эпизод.*

– Почему? – пробормотал Джейми, как человек, разговаривающий во сне. – Не может бросить меня... одного?

Возникла пауза. Джейми чувствовал тяжелый взгляд прорицательницы. Он корчился и стонал.

– *Не спрашивай меня, – продолжал голос. – Разве ты способен спрашивать меня? Неужели... Ты попробовал этот порошок?*

Джейми кивнул.

– *Кто дал тебе его?*

– Я просто... подобрал его, – пробормотал Джейми.

Говорить было трудно, каждое слово давалось мучительно. Его голова опустилась на грудь, хотелось только того, чтобы голос прорицательницы не был сердитым.

– *Он принадлежал одному из клоунов?* – требовательно спросил голос.

– Да.

– *Какому клоуну? Где? Когда?*

– Гоши. Думаю, его зовут Гоши. Около недели назад. Он выпал из его кармана.

Волна гнева, похожая на струю горячего воздуха, накрыла его. Он съежился, захныкал. Последовала пауза, а затем – дробь пальцев, барабанищих по поверхности стола. Затем голос произнес:

– *Ладно. Теперь просытайся, Джейми. Возвращайся ко мне. Просытайся.*

Джейми пришел в сознание, повинувшись взгляду двух искрящихся глаз. Вначале он подумал, что видит перед собой пару бриллиантов, сверкающих при свете свечи. Лицо прорицательницы появилось неясным контуром в обрамлении драгоценных камней. Казалось, пройдут часы, прежде чем оно обретет четкость и форму.

– Понравилась прогулка? – спросила Шелис, прорицательница.

Джейми попытался вспомнить последние несколько минут сна, но почувствовал, что его мысли бродят в тумане.

– Что произошло? Имело ли это отношение к блондинке?

– Нет, не думаю, – сказала Шелис. Она стала укладывать вещи резкими движениями. Ее явно что-то заботило и раздражало. – Ладно, Джейми, спасибо, что заглянул. Если позволишь, я кое-чем займусь.

– Да, конечно, – ответил Джейми и встал, чтобы уйти.

Шелис в спешке пронеслась мимо него и вышла сквозь бисерный занавес наружу. Вскоре она пропала из вида. Мгновение Джейми смотрел на хрустальный шар, прикрытый матерчатым чехлом, затем тоже вышел из хижины.

Снаружи его встретило прежнее навязчивое многоцветие и многоголосие мира. Джейми попытался сориентироваться. Со времени представления мага он почти ничего не помнил и даже само представление помнил смутно. Позади него тренькали под дуновением ветра стеклянные бусинки занавеса, загораживавшего вход в хижину. Что, собственно, там происходило?

Снова раздался мягкий настойчивый голос:

– *В твоём положении ни о чем не надо беспокоиться. Наслаждайся шоу.*

У него не было сил возражать. Легкомысленная эйфория вернулась к нему с порывом ветра, несшего запах попкорна. После нескольких глубоких вдохов Джейми почувствовал головокружение и медленно побрел на более многолюдные аллеи, поглядывая на торговые цыганские палатки, в то время как полдень склонялся к вечеру.

* * *

Наступил вечер, и небо над Аллеей интермедий засветилось многоцветными полосками. Джейми инстинктивно двигался к деревянному строению. Из его открытой двери, словно из пасти дракона, вырывались оранжевые языки пламени. Это была комната смеха.

Большинство людей, по всей видимости, направлялись к гигантским шапито в середине выставочного комплекса, где цыгане, владельцы торговых палаток, оповещали прохожих, акробатов и клоунов о скором начале представления. Только два человека задержались у павильона, где располагалась комната смеха. Это была молодая пара, стоявшая неподвижно и смотревшая прямо перед собой. Рядом с ними стоял человек в просторном облачении, державший посох с черепом на конце. Черный капюшон скрывал его лицо. Из комнаты смеха доносились ожидаемые звуки: нечеловеческий вой, визг женщин, грохот, похожий на зубовой скрежет.

Внезапно из двери стремглав вылетела тележка, вокруг ее колес, тершихся о железные рельсы, сыпались искры. С отчаянным скрипом тележка остановилась. Фигура в просторном облачении помахала посохом. Молодая пара, не говоря ни слова, села в тележку. Джейми перевел взгляд с них на человека с посохом, затем направился к лестнице. Однако стражник преградил ему путь посохом.

– В чем дело? – спросил Джейми.

Ответа не последовало. Ужасный визг заставил Джейми отпрыгнуть в сторону, когда тележка двинулась назад по своим рельсам. Головы юноши и девушки мотались из стороны в сторону, как у тряпичных кукол. Оранжевое пламя вновь вырвалось из дверей, когда тележка въехала внутрь и исчезла из поля зрения.

В разочаровании Джейми ожидал, когда выедет следующая тележка. Он взглянул искоса на стражника, стараясь рассмотреть его лицо под капюшоном. Вой и крики из комнаты смеха усилились, переходя в хохот, похожий на стоны полового экстаза. Эти звуки заглушили все отдаленные шумы карнавала, а затем резко оборвались. Воцарилась полная тишина.

Это было уже слишком. Джейми повернулся, чтобы идти дальше, но вдруг услышал, как снова остановилась со скрежетом тележка. Он посмотрел через плечо в ее направлении. Пары нигде не было. Тележка была пуста.

Джейми обнаружил, что бежит трусцой, как будто его ноги чувствовали опасность, которую не мог постичь разум. «Все это часть представления», – заверил его внутренний голос. Разумеется, подумал Джейми. Чем же еще это могло быть?

В стороне от прочих аттракционов он заметил просторный шатер, который окружали небольшие хибарки, – видимо, это были жилища карликов и цыган. Когда он проходил мимо, на него из-за занавесок пристально глядели злобно светящиеся глаза. С наступлением ночи карлики выходили группами. Эти маленькие злобные твари замолкали при его приближении и затем возобновляли ожесточенные споры. Они носили небольшие сумки и что-то собирали в траве стальными пинцетами. Джейми вначале подумал, что они собирали утерянную мелочь, но, приблизившись к одной паре, занятой делом, увидел, что она собирала крохотные светящиеся кристаллики. Он заметил их еще на полу шатра, где проходило представление мага. Карлики взглянули на него с такой свирепостью, что молодой человек удалился.

Подойдя к одиночному шатру, он обнаружил, что там находится паноптикум, и немного поколебался, прежде чем войти. Больные и чудачки не вызывали в нем интереса, но взгляды из окон хибарок заставляли его нервничать. Ему хотелось укрыться от них.

В помещении паноптикума свет исходил только от желтых ламп, освещающих стеклянные витрины. На полу было больше светящихся точек – кристаллов порошка, гораздо больше, чем на полу в шатре Мугабо.

К своему удивлению, Джейми увидел перед одной из витрин Стива, который пожирал глазами что-то внутри высокого аквариума. Стив заметил его и подозвал жестом:

– Взгляни на это.

Этикетка на аквариуме гласила: «Это Тэллоу. Каждый момент его жизни – ад».

Пара человеческих глаз скорбно смотрела на них. Кожа на лице оплавлялась, как воск свечи, пузырясь, капала, образовывала лужи, перед тем как затвердеть на полу.

– Каждые несколько минут он подбирает отвалившиеся кусочки и снова присоединяет к себе, – зашептал Стив с восторгом.

Тэллоу печально наблюдал за ними, в то время как на его шее лопнул пузырь телесного цвета и его содержимое стало стекать по его груди на пол. Джейми сморщился и отвернулся.

– Смотри, Джейми! Он делает это! – воскликнул Стив.

– Идем отсюда, – предложил Джейми. – Больно смотреть. Идем.

– Нет. Тебе нужно посмотреть это место. Пойдем и поглядим на парня. – Стив потащил его за руку к следующему экспонату.

Они остановились перед тем, что, возможно, стало бы однажды человеком, если бы природа не сыграла с ним очень злую шутку. От шеи до пят существо было прекрасным. Примерно сто семьдесят сантиметров человеческого тела, носившего серый костюм и галстук. Уродство заключалось в голове существа. Она была покрыта чешуей, слишком большой для его тела. На втором подбородке у него росли усы, как у сома. У существа был очень широкий рот, как у

акулы, усеянный ужасными зубами. Когда рот раскрылся и заговорил, Джейми чуть не вскрикнул.

– Привет, я Фишбой, куратор паноптикума.

– Мой приятель Джейми, – сказал Стив. – Джейми, это Фишбой. Он говорит, что может дышать под водой.

– Рад видеть вас, Джейми, – приветствовал его Фишбой. У него был высокий голос, словно он надыхался гелиево-кислородной смесью. В его дружелюбии сквозила какая-то непристойность. – Надеюсь, наши экспонаты вам понравятся так же, как Стиву. Через пятнадцать минут Йети покажет представление с поеданием стекла. Гарантирую, что это самое кошмарное и кровавое представление во всем цирке!

– Эй, приятель, нам нужно посмотреть стеклянную витрину, – сказал Стив.

Джейми покачал головой.

– До скорой встречи, – попрощался он.

– Почему? Куда ты идешь? – спросил Стив.

– В самом деле, – поддержал его Фишбой. – Клоунское шоу – наш самый знаменитый аттракцион. Пожалуйста, не стесняйтесь, оставьте свою запись в книге для гостей перед уходом.

Джейми съежился от чрезвычайно учтивой улыбки рта с акульими зубами. Он бы почувствовал себя более непринужденно, если бы Фишбой накричал или обругал их. Он пошел к выходу, стараясь не глядеть на расположенные по сторонам витрины, в которых стонали и шипели экспонаты. Стив за ним не пошел.

В атмосфере теплой ночи его бодрое настроение сменилось болью и головокружением. В него вползали легкая тошнота и дурные предчувствия. «Мне кажется, я глубоко...», – подумал Джейми.

И... он решил, что предпочтет этот путь.

К этому времени у двух гигантских шапито собрались большие толпы. Все присутствовавшие бросали вокруг беспокойные взгляды, словно проходили здесь двойную проверку.

Большой из двух шапито имел на фронто́не вывеску, которая гласила:

ВЫЗОВ СМЕРТИ РЭНДОЛЬФА, АКРОБАТИЧЕСКАЯ ФЕЕРИЯ ВЫСОКОГО ПОЛЕТА

На фронто́не другого шапито висела доска с надписью:

ПОТРЯСАЮЩЕЕ КЛОУНСКОЕ ШОУ ГОНКО. ПРИХОДИТЕ ПОСМЕЯТЬСЯ

Джейми уставился на доску. Гонко... Откуда он знал это имя? Он почти вспомнил, когда почувствовал, что его толкают в толпе, которая по сигналу, не замеченному им, устремилась в оба шапито. В этих людях таилась какая-то робость, как у потерянных душ, застигнутых бурей и собравшихся в единственном найденном укрытии.

Джейми оказался в одном потоке с людьми, идущими смотреть клоунское шоу. Он занял место в заднем ряду. Все его внимание захватила сцена, освещенная яркими лучами прожекторов, вместе с другими зрителями он терпеливо ждал представления.

Гонко. Это имя было так знакомо ему.

Когда началось клоунское шоу, Джейми внезапно утратил контроль над своими мыслями и к нему вернулся прежний страх. Он беспокойно огляделся в поисках выхода из шапито. Но

все выходы были забиты людьми, наблюдавшими за сценой с ничего не выражающими лицами. Бежать было некуда. Он съезжился на своем месте.

Гонко прошелся по сцене, засунув руки в карманы. Прозвучали аплодисменты, хотя он смотрел на толпу так, словно готов был каждому из зрителей перерезать горло. Клоун носил нелепые большие полосатые штаны, которые были стянуты обручем вокруг его тонкой талии и держались на подтяжках. На лице, вымазанном белилами, красовался пластмассовый красный нос. На Гонко был клоунский колпак, похожий на тюрбан мага, и крохотный галстук-бабочка.

За ним ковылял Гоши, смотревший на зрителей испуганными глазами, похожий на ребенка, которого озадачивали вещи в комнате. Что это за создания? Но его поведение оставляло впечатление шутовства и расчетливости, внушало подозрение, что внутри себя Гоши хорошо знал о своей необычности и упивался ею.

Гоши держал в руке маргаритку. Руки его были тесно прижаты к бокам. Он проковылял к молодой женщине, сидящей в первом ряду, и, не сгибая локтя, предложил ей цветок. Она улыбнулась и, секунду поколебавшись, взяла его.

Моргая, Гоши смотрел на нее. Казалось, он чего-то ожидал. Затем, внезапно обозленный по ему одному ведомым причинам, он влепил женщине пощечину. Ее голова дернулась в сторону. Некоторые зрители засмеялись, полагая, что это вставной комический номер.

Гоши беспокойно огляделся, когда по рядам зрителей прошел рокот. Он прижал руки к ушам и беззвучно зашлепал губами. Покачиваясь, он снова взобрался по ступенькам на сцену. Гонко сердито наблюдал за этой развязкой. Она не входила в сценарий, и главный клоун вознес руки в отчаянии.

Шоу продолжалось. Гоши повалился на спину, будто его подстрелили, и, перекатываясь из стороны в сторону, неистово жестикулировал перед Гонко, прибегая к помощи локтей, его руки все еще были прижаты к ушам. Затем последовал хорошо знакомый Джейми свистящий звук чайника, громкий, как сирена: фью-у-у-у! Фью-у-у-у!

Из-за кулис под свет прожектора выскочил другой клоун. Это был Дупи. Он подбежал к своему брату и попытался уговорить его уйти со сцены. Гоши не уходил. Он, не прекращая свиста, указывал пальцем на женщину в первом ряду, потиравшую с изумлением щеку. Рот Гоши снова беззвучно открылся и закрылся.

– Знаю, – кричал Дупи, – она поступала дурно, Гоши, она действительно поступала дурно! Но пойдем! Это шоу! Тебе не нужно так волноваться...

Гонко сидел на сцене скрестив ноги и массировал виски. Его голос перекрыл робкий гомон аудитории, которая теперь не понимала, смеяться ей или нет.

– Мне все чертовски ясно. Он сорвал представление менее чем за минуту. Давайте закончим этот фарс. Рафшод! Выходи сюда. Тащи новичка. – Гонко отдал приказание с явно наигранным энтузиазмом.

На сцену выбежал клоун с безумным взглядом, таща за собой другого клоуна.

Новичок встал под свет прожектора с кислым видом. Плечи его были опущены. Гонко бросил на него взгляд.

– Ну что, Гоши! – крикнул он. – Взгляни на новичка. Что у него в кармане?

Гоши поставили на ноги. Он медленно повернулся и побрел вразвалку к новичку. Рафшод между тем обыскал карманы новичка и вынул нечто, напоминавшее лист папоротника. По какой-то причине этот лист произвел сильное впечатление на Гоши. Он уставился на него с широко раскрытыми от ужаса глазами. Однако вполне человеческие эмоции все-таки выжили на его лице, он снова издал свист чайника: фью-у-у-у! Фью-у-у-у!

На лице новичка появилось выражение страха. Гоши пронзительно крикнул на него с близкой дистанции, затем сильно ударил выпрямленной рукой, как прежде женщину в первом ряду. Дупи сделал вялую попытку успокоить брата, крикнув:

– Прекрати, Гоши! – но без успеха.

Гоши снова ударил новичка. Новичок оттолкнул его. Дупи вмешался в ситуацию:

– Эй, эй, эй. Эй, э-э-э-эй! – воскликнул он и налетел на новичка с намерением защитить брата.

Хотя Дупи выглядел самым безобидным из клоунов, он пошел в атаку с мощью быка. Новичок был затоптан и катался у ног других трех клоунов, пытаясь отразить пинки, тычки, удары руками и ногами. Зрители безмолвствовали.

Гонко с каменным выражением лица наблюдал развязку в стороне, хотя чувствовалось его молчаливое одобрение происходящего на сцене. Он повернулся к публике и произнес:

– Шоу закончено. Убирайтесь отсюда к черту.

Когда зрители встали и направились к выходу, прозвучали жидкие, нерешительные хлопки. Избиение на сцене подошло к концу, и новичка утащили за ноги.

Когда зрители вышли, Джейми остался сидеть в заднем ряду, не зная, куда идти и что делать. На него со всех сторон нахлынули воспоминания последних дней: испытание, преследование, разгром дома. Хотя все это значило сейчас меньше, чем когда-либо.

Гонко взглянул на него со сцены.

– Джи-Джи, – позвал он. – Иди сюда.

Джейми указал на себя:

– Кто, я?

– Да, ты, – рявкнул Гонко. Он стоял на краю сцены и манил пальцем.

Джейми встал и медленно пошел к нему.

«Вот оно, – мелькнула мысль. – Видимо, меня ждет смерть».

Он ошибался.

– Добро пожаловать в твой новый дом, – поприветствовал Гонко, когда Джейми прошел мимо первого ряда. От света прожекторов на лицо главного клоуна падали тени, похожие на кровавые порезы. – Мне хотелось, чтобы ты смотрел представление из-за кулис, но это не имеет значения. Впереди еще много шоу, моя прелесть, и никаких ошибок. Как видишь, действие несколько скомкано, – сказал Гонко с досадой.

Джейми взглянул ему в глаза.

– Пожалуйста, – попросил он, – скажите, что происходит, черт возьми? Пожалуйста?

Гонко искоса посмотрел на него.

– Это законный вопрос, – ответил он. – Происходит то, что ты стал сейчас клоуном. Слышал такую приятную новость? Отныне в твоей жизни не будет ничего, кроме смеха, с изрядной долей странного хихиканья. Может ли быть что-либо лучше этого? Забей на это. Идем со мной, юный Джи-Джи.

Глава 7

Хрустальный шар и акробаты

Гонко повел Джейми за сцену в помещение, заполненное коробками, форменной одеждой и лампами для прожекторов. Там лежал новичок. Его лицо представляло собой кровавое месиво, с лица стекала кровь и краска. Глаза его были закрыты. Гоши испуганно смотрел на него не моргая, Дупи же, присев, похлопывал его по плечу, видимо побуждая подняться. Когда появились Гонко и Джейми, Дупи встал, его влажные губы шевелились, руки нервно терлись одна о другую. Он больше не выглядел клоуном, способным на насилие, которое он допустил на сцене. Это снова был трогательно уморительный человек. Все его существо выражало глубокое раскаяние.

– Отличная работа, Дупс, – сказал Гонко, указывая на окровавленное существо у его ног.

– Мне жаль, Гонко, но он ударил Гоши! – воскликнул Дупи. – Он ударил Гоши прямо в лицо. Я был вынужден заступиться за Гоши. Вынужден!

Гонко наклонился к расprostертой фигуре, и его рот перекосялся.

– Я сказал, отличная работа. Тебе не нужно оправдываться, когда босс похлопывает тебя по спине, Дупи. – Он пнул новичка носком ботинка, затем повернулся к Джейми: – Джи-Джи, знакомься с трупой. Это Гоши.

Гоши повернулся к Джейми спиной, стал мычать и тихо посвистывать. Он подносил к лицу лист папоротника и, кажется, целовал его.

– Гоши знает, что ему нравится, – проворчал Гонко. – А это Дупи, которого ты, кажется, видел раньше, когда он громил твою спальню с твоим покорным слугой.

Дупи пролепетал:

– Здравствуйте, – и стал излагать Гонко свои оправдания, которые тот игнорировал.

– Это – Рафшод, – сказал он.

Худощавый клоун с безумным взглядом сделал в направлении Джейми взмах рукой. Рафшод казался самым молодым клоуном, возможно, он был ровесником Джейми.

– А эта жалкая тварь – ученик, – сказал Гонко. – Сейчас он представляет собой кусок мяса с глазами, но это не надолго, помани мои слова. Догадайся, в чем шутка? Ты получил бы свое дело, если бы поинтересовался, где ляжет эта частица пазла.

Джейми устремил свой взор вниз и старался избегать мыслей о том, что его собственное лицо могло быть таким, как у человека, истекающего кровью у его ног. Он не знал, как на это реагировать. Полагал, что лучше всего держать рот на замке и подождать, пока ситуация приобретет какой-то смысл. Джейми понимал, что теперь в любую минуту ему могут сказать, что он находится под наблюдением скрытой камеры, что он жертва какого-нибудь высокобюджетного трюка на радио, объект социологического эксперимента или чего-нибудь подобного.

Гонко вывел клоунов из шапито, оставив ученика истекать кровью в грязи.

– Вот что, приятели, – сказал Гонко клоунам, – это просто позор. Дупи, вбей в башку своего брата: бить зрителей нельзя. Усвоил? Это не входит в сценарий этой чертовой сцены. Нельзя бить, толкать, лягать и бросаться на зрителей. Они не реквизит. Они просто смотрят это проклятое шоу. Понимаете, что я имею в виду? Это не спиритический сеанс. Они просто смотрят чертово шоу!

– Мне жаль, Гонко, – лепетал Дупи, – но Гоши иногда приходит в замешательство и...

– Он чертовски хорошо знал, что делал сегодня вечером, – сказал Гонко. – Вспомни норму, которую мы определили для нового парня. Шоу длилось меньше двух минут. Зачем ты ударил девушку?

– Она взяла его цветок, Гонко, она...

– Идиот, он сам дал ей цветок. Это входило в сценарий.

– Но ей нельзя, не следовало брать его, Гонко! Ей нельзя, не следовало, и он не мог не сделать это, он... он...

– Что же мне придется вытерпеть от Жи-Жи? – сказал Гонко с печальной улыбкой. Джейми пожал плечами, кивнул и постарался, чтобы его не замечали.

Публика покинула игровые площадки. Раздавались лишь странные звоны и глухие удары в палатках цыган, которые набивались вещами. Несколько карликов слонялись в тени, переговариваясь между собой и наблюдая, как мимо проходят клоуны. Клоуны не обращали на них внимания. Они шли мимо шатра мага и хижины прорицательницы к шатру, в котором Джейми узнал место, где он утром проснулся. Этот шатер был гораздо просторнее, чем любое из окружающих сооружений.

Гоши издал короткий гудящий звук и замер. Все повернулись к нему. Дупи, казалось, пытался истолковать этот звук. Он приложил палец к губам и сказал:

– Ша-а-а.

Рядом звучал приглушенный шум голосов, слишком тихий, чтобы разобрать слова. Джейми пробежал взглядом по каждому из клоунов, прикидывая, какова будет последовательность неприятных сюрпризов. Вскоре он понял, что будет что-то насильственное, поскольку Гонко вытащил из кармана длинный блестящий нож. Джейми вытаращил глаза, удивляясь, как этот нож помещается в его кармане.

Гонко собрал клоунов в кучу. Джейми попытался остаться, но Рафшод обхватил его за спину и подтолкнул в общий круг. Запах пота Гоши вблизи стал почти невыносимым.

– Акробаты, – прошептал Гонко. – Говорить буду я. Пырну ножом тоже я. Но всем действовать быстро. Это касается тебя, Гоши. Не стой тараща глаза, как в прошлый раз, когда этот ублюдок Рэндольф отсчитывал мне время. Теперь ты, Жи-Жи. Такое впечатление, что ты сделан из локтей и хрящей, но тебе надо размахивать руками так, словно пытаешься их сломать.

Закончив совещаться, клоуны разошлись в стороны. Гонко шел крадучись впереди, искусно поигрывая ножом в руке. Остальные следовали за ним. У входа в шатер их поджидали три человека, обтянутые в белое трико. Когда клоуны приблизились, они умолкли и насторожились.

С первого взгляда Джейми был почти загипнотизирован видом акробатов. Они обладали гибкими телами и прекрасным сложением, а лица их были похожи на лица эльфов. Джейми не мог не восхищаться мастерством тех, кто их тренировал. Клоунов же явно одолевали другие чувства. Обе группы некоторое время пристально смотрели друг на друга, акробаты с подозрением приглядывались к Джейми. Наконец один из них сказал:

– М-да! Слышал, парни, что вы устроили шоу. Всего пять минут.

– Скорее, две минуты, – уточнил другой акробат.

– Две минуты! – воскликнул первый акробат с деланным сочувствием. – Поразительно! Свен, как думаешь, что скажет об этом господин Пайло?

– Не знаю. Может, он решит, что беднягам надо будет поработать некоторое время в другом месте, например вычищать цыганские туалеты. Но, конечно, надо упросить Рэндольфа.

– Но он вряд ли послушает, Свен, не так ли?

– Не думаю, чтобы Рэндольф совсем не стал слушать.

Провал вечернего шоу, кажется, задел самолюбие Гонко.

– Отвали, – проворчал он; его рука, державшая нож, тряслась от ярости.

– Отвали! – воскликнул стоявший ближе всех к главному клоуну акробат. – Отвалим, конечно! Но сначала я предлагаю тебе умственное состязание, Гонко. Твоя софистика больше тебе не поможет.

Гонко, быстрый, как змея, бросился на говорившего акробата, но тот легко увернулся. Джейми вздрогнул, уверенный, что началась драка. Но нет – Гонко отступил, снова поигрывая

ножом, а акробаты, видимо, решили, что конфликт исчерпан. Они удалялись с презрительными ухмылками, отпуская в адрес клоунов новые оскорбления.

– Пидоры, – крикнул им вдогонку Гонко.

Акробаты остановились и повернулись:

– Как он назвал нас?

– Он назвал нас пидорами!

– Обана. Понимаешь, что они говорят. Мужик, который пользуется мужика, является пидором.

– Это как раз то, что я хотел ему сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.